

A lush green forest with a path leading into the distance where two people are walking. The trees are tall and have dense green foliage. The path is covered with fallen leaves. The overall atmosphere is peaceful and natural.

ОЛЕГ ОВСЯННИКОВ

НАПУТСТВИЕ

Олег Овсянников

Напутствие

«Издательские решения»

Овсянников О. А.

Напутствие / О. А. Овсянников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907786-8

Пытаясь понять себя, ты рано или поздно придешь к богу. Автор вступил на ниву литературного творчества в 1993 г., напечатав роман «Чистилище» в журнале «Наш современник». В 1994 г. роман был признан одной из лучших публикаций года.

ISBN 978-5-44-907786-8

© Овсянников О. А.
© Издательские решения

Напутствие

Олег Александрович Овсянников

© Олег Александрович Овсянников, 2018

ISBN 978-5-4490-7786-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Скажу вам братцы по секрету, нет ничего лучше гусиной охоты! – Георгич сделал паузу и с сожалением посмотрел в окно. Поезд, набирая скорость, медленно выбирался из Москвы. – Гусь, птица хитрая, – подытожил рассказчик, – можно даже сказать организованная. Прежде чем стая на поле сядет, разведчиков высылают. Те покружат над местом, каждую кочку изучат. Плюс ко всему, нюх как у собаки. Человека за версту чувят. Поэтому и выходит, ежели что не так, только вы их и видели. При таком раскладе, большим умельцем надо быть, гуся промышлять, – Георгич хитро прищурился и, почему-то шепотом, добавил, – секрет знать надо.

Сидоров, не прекращая нарезки колбасы, тут же вмешался:

– Знаем мы твои секреты, проходили! Вот так и нас в прошлом году интриговал, мол, высший пилотаж, только профессионалу по зубам. Ну, мы и попались, идиоты! Пришли вечером на поле, выкопали ямы по пояс. Вокурат могилы. После этого Георгич и открыл свой секрет. Надо навозом обложиться и залечь, а сверху тебя им же и прикроют, еще и сеном припорошат. При такой маскировке гусь не за что не догадается. И все мы на гиблую фантазию подписались. Сгоняли в лесничество, закупили телегу навоза. Георгич собственноручно отмерил дерьма на ямку, даже ружья измазали. Ну, зарыли нас под утро, одни носы торчат, лежим, ждем. А он, – Сидоров показал пальцем на притихшего Георгича, – с панталыки ведь не сантехников сбил. Среди нас банкиры, коммерсант, писатель, все в засаде. Тишина, туман над полем клубится, солнце вот-вот взойдет, где-то вдалеке курлыкание журавлиное, а тут пять уважаемых мужиков лежат в дерьме по самые уши, и ждут сраных гусей. А премудрый Георгич с лесником в кустах водку жрут спозаранку. До нас истина дошла именно в момент, когда появились птицы. Кто-то хихикнул, и тут, братцы, началось. До конца дней не забуду! Так что вы особо на инициативы не поддавайтесь.

– Ну, вот тебе благодарность за науку! – Недовольно пробурчал Георгич. – Сколько с тобой, Вовка, возился, пока охотником сделал?! Забыл, каким лопухом начинал?

– Это точно! – Согласился Сидоров, – водку дуть в три горла, вот и вся наука! По началу с охоты мышь дохлую не привозил.

– А чего, дичи не было? – Спросил Николай.

– Ну, какая дичь, подумай! – Возмутился Сидоров. – Обычно, как сейчас, вчетвером собираемся, а пойло запасаем на взвод. И пока Георгич с егерем водку не вылакают, ни какой охоты. Меня с первой попытки переломанного привезли. Если память не изменяет, в январе дело было, морозы лютые стояли. Вот это и сгубило. Сел наш славный Георгич со товарищами в избушку и принялись мы глушить сердешную, а надобность справляли не выходя из дома, прямо с крыльца. За три дня нассали следопыты пригорок, а когда я надумал потревожить природу своим присутствием, при выходе из избушки поскользнулся и упал, получив серьезную травму.

– Мрачную картину рисуешь! – Подытожил Георгич. И, подумав, предложил: – Доставай, родимую, вспрыснем за успех нашего безнадежного дела!

– Ну, вот, видели?! – Развел руками Сидоров, – как тут бороться?

Стол снарядили быстро. На секунду замерли, любясь делом рук.

– Ну-с, приступим! – Дал команду Георгич и с хрустом свинтил пробку с бутылки.
– Чур, Митьке не наливать! – Отодвигая стакан в сторону, предупредил Сидоров.
– А чего так? – Опешил раздающий.
– А он у нас феномен. На него алкоголь перестал действовать. Он водку как воду переводит, ведрами. Только плюется от горечи.
– Да ну! – Удивился Георгич. – И давно это братан?
– Да с год, как отрубило. – Нехотя отозвался Митька. – Кайфа никакого.
– Погоди, погоди, – ставя бутылку на стол, заинтересовался Георгич. – Ты мне разъясни секрет.

– Да, все равно не поверите. – Замаялся Митька. – Сон раз приснился. Мне пить запретили. Проснулся, как замороженный. Сначала думал – иллюзия. Попробовал. Такая гадость, скажу вам, это заливное!

– Ну, кому как. – Возразил Георгич.

– Точно. – Согласился Митька.

– Бедняга! – Посочувствовал Сидоров. – Вот так всего лучшего в жизни лишился. – И, дернув Георгича за рукав, попросил: – Может, все-таки, раздашь?! Нам сны не снились.

– Ну, давай! – опомнился Георгич, – приступим.

Первую осушили быстро, почти не закусывая. Воздействие алкоголя сразу проявилось на лице Георгича, разгладив морщины добродушной улыбкой.

– Вот, тебе, Митька, повезло! Такую красоту увидишь. – Изрек Георгич блаженно щурясь. – Ну и охота, конечно, дело увлекательное. Вон, Сидорова, за уши не оттащишь. Он когда на птицу идет, собаку обгоняет. А все почему? Азарт! Видимо сидит в нас звериное, все царем природы себя утвердить желаем.

– Да я не по этому делу, Георгич. – Возразил Митька. – Мне Колька рыбалку роскошную обещал. Ну и всякие изыски на плезире, за деньги собственно.

– Не приврал нисколько Николай, не сомневайся! – Успокоил Георгич. – Это же Михайловское озеро, рядом река великая – Северная Двина. Места чудные, леса вековые. Там даже на полуострове монастырь был преподобного Антония, Сийского чудотворца. Так в тихую погоду звон колокольный слышится. Тут, испокон, и зверя и рыбу добывали. Сейчас заповедник. А вот по границе его самая охота. Егеря откуда-то дебаркадер уволокли и поставили на прикол недалеко от берега. Привели в божеский вид, и вышла неплохая гостиница. За тридцать зеленых в день, ты получаешь снасти, места прикормленные, с рыбой. Жратвы от пуза, а по вечерам приезжают бедрастые дивчины Гальки. Одним словом, Европа.

– Ты смотри, прямо сервис пятизвездочный! – удивился Митька.

– А ты думал?! Там все солидно поставлено. – Подтвердил Сидоров. – Даже психологию изучали. Жор, рыбалка, охота, все в стоимость входит. А вот кайф, за отдельные деньги покупай. А там пьется как в Сахаре.

– Ну, а если уединиться в тишине захочется, возможно? – Допытывался Митька.

– Да ты что?! – Возмутился Сидоров. – До Архангельска километров 300, от Холмогор 150 озеро огромное, через него протекает река Сия. Протоков не счесть. Там чуть зазевался и гудбай, не найдут. Места дикие. Мы раз с Барановым Серегой на кабана зимой поехали. Вывели нас егеря к тропе, по которой свиньи на кормежку ломаются, подождали, ну нету зверя. Сан Саныч торопится, все мнетя, а мужик обстоятельный. Вот увидишь его, мастер. А тут, ну надо куда-то. Серега его уговорил. Ты, мол, иди, а мы еще часик покараулим и вернемся. Не успел он скрыться, выходит из зарослей хряк размером с запорожец, и прет на нас. Мы, не долго думая, с двух рук дуплетом. Кабан, без звука набок. Подходим, лежит туша огромная. А у Баранова дурацкая привычка. Чего не подстрелит, обязательно запечатлеть трофей надо. Для данной цели и фотоаппарат таскает. А тут на наше счастье Сан Саныч возвращается, выстрелы услышал. Вот его Серега и просит момент увековечить. Меня, значит, на свинью

усадила, сам встал, ногу на рыло, на ружье облокотился, напыжился, и кричит: «Давай, Саныч, снимай!» Тот только примерился, а свинья как хрюкнет, и давай подыматься. А у него клыки, что сабли. Мы втроем как чесанули, очнулись только в лесу. Стоим с Барановым без ружей, босяком в снегу. От страха с низкого старта из валенок выпрыгнули. Спасибо Сан Санычу, вывел. А свинью, видимо, мы в лоб жиканом оглушили, она и очнулась. Вот такие там дела творятся, Митька. – И, достав вторую бутылку из-под стола, предложил Георгичу: – Ну, приступим?!

Так и попивали до самого места назначения, пока зычный голос проводницы не возвестил: «Поезд прибывает на станцию „Узловая“, стоянка одна минута». Вагон покинули организованно и сразу на пироне были встречены кряжистым мужичком лет пятидесяти.

– Сан Саныч, родной! – Заголосил Сидоров и бросился обниматься.

Георгич продемонстрировал фронтовые объятия, крест на крест. Николай обошелся крепким рукопожатием. Митьку представил Георгич:

– Это новенький, зовут Дмитрий. Решил приобщиться к прекрасному. Правда, прибыл по мокрому делу.

– Чего?! – Не понял Саныч.

– Да рыбак он, – успокоил егеря Георгич, – пацифист. Предпочитает истреблять природу без шума и суеты.

– А, ну тогда, ладно! – Заулыбался Саныч. – Этого добра у нас завались. Ну, что ж, господа хорошие, поехали. – И, показав рукой на стоявший неподалеку УАЗик, предложил: – Прошу грузиться.

Расстояние от станции до озера преодолели за шесть часов, как один из этапов «Кемелтрофи» с буксовками в грязи. То, что в Европе воспринимают экстримальным испытанием, в России является обычной дорогой домой. Озеро чудесной жемчужиной сверкало среди дремучего леса, будто Божьей слезой проявляя свою чистоту и девственность. Митька даже на мгновение замер охваченный величием небесного творения. Противоположный берег, окаймляли невысокие горы. Мрамор, зеленью малахита, светился в лучах заходящего солнца. Голубая вода, преломляя закатные лучи, вспыхивала лазурью.

– Ну, как, прибило впечатление?! – Потревожил Митьку Георгич. – А люди тут живут с рождения, и им эта красота, что тебе Кремль. Ты лучше вот куда гляди. – И показал рукой на покачивающийся недалеко от берега, свежеекрашенный корабль. – Люкс со всеми удобствами.

На лодке переправились на борт дебаркадера, и, разместившись, собрались все вместе в кают-компанию, где за накрытым столом их встретил Сан Саныч. Подождав, когда все усядутся, объявил:

– В честь прибытия дорогих гостей, от лица всего егерского персонала, прошу принять.

Видимо этих слов ждали. Тут же открылась дверь, и две девушки в нарядных сарафанах внесли плетеную бутылку литров на двадцать с зеленоватой жидкостью.

– Рекомендую. – Многозначительно изрек Саныч. – Настояно на золотом корне. После употребления и укрепляет этот самый «корень».

Сидоров, хихикая, полюбопытствовал:

– А кто гарантию дает?

– Вот к изготовителям все претензии. Прошу любить и жаловать, Галя и Валя.

Галя, краснощекая брюнетка с добротной скроенной фигурой, игриво покачивая бедрами, заверила:

– Если что, мы ответим за качество.

– Вот это дело! – Подвигая свободный стул поближе к себе, согласился Сидоров.

В бутылки на вид не убавилось, когда за столом запели. Первым затянул Георгич. Обняв Сан Саныча, проникновенно глядя друг другу в глаза, грянули давно любимую песню: «Артил-

леристам Сталин дал приказ». Даже Николай, борясь с желанием съехать под стол, поддерживаемый Валею, изо всех сил надрывался, стараясь попасть в унисон с поющими, но не выдержав напряжения, обмякнув, уронил голову в тарелку. Тут же спешно был эвакуирован в каюту и уложен спать. Убытие бойца отметили, стоя, выпив по полному стакану. Рыжеволосая Валя, переключившись на Митьку, навалилась на него большой грудью и, подпевая очередному шедевру, зашарила под столом, почему-то тиская рукой Митькино колено. Видимо «золотой корень» действовал на представителей обоих полов, или желание доказать качество напитка торопило изготовителя. Митька, без особого энтузиазма принимавший участие в празднике, все чаще стал ловить себя на мысли, что после того злополучного сна, его жизнь явно перекосило. Трезвый взгляд кардинально менял оценки и ощущения. В нем еще боролось желание вернуться к привычному состоянию, но невозможность подобного страшно пугала. За последнее время Митька перепробовал разные способы одурманивания, пил водку ведрами, но затуманить сознание так и не смог. Наверно реагировала химия тела, любые инородные вещества выталкивались с помощью поноса или рвоты. Вот и сюда приехал скорее для осознания произошедшего, а не для банальной рыбалки. И праздник песни больше тяготил, чем радовал. Оставаться сторонним наблюдателем, констатируя деградацию человеческой личности под воздействием алкоголя, было не особо приятно, а выражение неудовольствия, чревато гневной реакцией отдыхающих. И Митька терпел, подпевая очередным музыкальным шлягерам, тиская потную пьяную Валю с надеждой поглядывая на бутылку. Под утро родимая сделала свое губительное дело. После очередного стакана затихла распаленная соседка, пустив слюну и тихонько посапывая. Почувствовав границу возможного, ретировался Сидоров, с натугой потащив вяло шевелящуюся Галю. Георгиц с Сан Санычем приняв на посошок, обнявшись, исполнили незабвенный куплет «Шумел камыш, деревья гнулись» и покинули помещение не прощаясь.

Оставшись один, Митя прошел на корму, решив перед сном успокоиться тишиной. Озеро просыпалось, ветерком разгоняя утреннюю дымку. Солнце еще не взошло, но темнота стремительно таяла. Солнечные лучи, бликами пробегая по воде, устремились к темнеющему лесу. Вслед за ними, из камышей, выплыла лодка, и словно в видении растаяла в тумане. Митька потер глаза, улыбнулся и пошел спать.

Разбудила песня. Военная тематика преобладала в репертуаре Георгица. На этот раз он яростно надрывался, старательно выводя: «Когда усталая подлюдка из глубины идет домой». Нестройный хор поддерживал солиста. В кают-компани праздники продолжались. На середине стола красовалась виновница торжества, плетеная бутылка, и жидкости в ней не убавилось. А вот бойцы, в борьбе с посудиною, явно проигрывали. Николай, сидящий в обнимку с раскрасневшейся Валею, обреченно взирал на емкость. Сидоров тискал объемистую Галю, показывая всем видом, что добился доступа к телу. И только Георгиц с Сан Санычем демонстрировали искреннюю любовь к носительнице чудесной жидкости, изредка поглаживая и нежно похлопывая бутылку. Митьку встретили веселым ревом, но, вспомнив, как выразился Георгиц, что он «объект не нашего поля деятельности», позвали повариху Матрену и велели накормить. Подали гречневую кашу с мясом и кувшин кваса. Насыщаясь, Митька с ленцой поглядывал на разворачивающийся праздник. Солировал Сидоров. Скорей всего, его понесло, что иногда случается при попадании алкоголя на старые дрожжи. Результатом брожения, как правило, бывает бахвальство. В этот раз предметом гордости явились охотничьи рассказы. По утверждению Сидорова, кого он только не стрелял. А так как «спич» предназначался восхищенной Гале, размеры добычи приближались к эпохе динозавров. Хихикающий Георгиц, в местах повествования, особенно ярко описывающих подвиги Сидорова, пихал локтем Сан Саныча и закатывался трубным хохотом. Однако, решив сделать паузу для наполнения стаканов, Георгиц остановил спектакль.

– Сидоров, хорош трепаться! Тебя послушать, нам тут делать нечего. Ты лучше раздай порции. А для одуроченной аудитории, поясню. Год назад поехали утку брать, Сидоров тогда

еще средненько удар держал. Попили, как водится, дня два и на натуру. А Сан Саныч под водку домашних огурчиков принес кадку. Все один к одному, крепенькие, аккуратненькие и вкусноты необыкновенной. Ну, каждый и прихватил на закуску. Прибыли на номера, расположились. Сан Саныч ушел куда надо и шуганул утку. Стая, аккурат, над нами понеслась, только успевай валить. Сидоров с двух стволов пальнул, и, с дури, одну подранил. Она прямо перед носом у него спланировала. Крыло волочит по траве и семенит в камыш. Сидоров в припрыжку за ней. Ружье перезарядил, припал на колено, бах! осечка, вторым стволом, бах! опять осечка. Гусь нырк, и нету. Сидоров ружье об землю и матом. Мы подоспели, успокаиваем, ну надо такому случиться. Сан Саныч подобрал ружье, переломил и зашелся от смеха. Этот зверобой вместо патронов огурцы в стволы затолкал. Говорит, карманы перепутал.

– Да это я так, пошутил. – Отмахнулся Сидоров, пытаясь подвинуть бутылку. – Лучше помогите, а то уроню, не дай бог.

Николай с Сан Санычем поспешили на призыв.

Митька, воспользовавшись паузой, подсел к Георгичу:

– Мне бы как-нибудь на рыбалку попасть. У вас тут своя свадьба, а мне в тягость, на сухую.

– О чем речь?! —Отреагировал Георгич. – Саныч, экипируй любителя, и проинструктируй где тут окунь пожирней.

Егерь решил моментально исполнить просьбу друга. Митьку обули в сапоги по пояс, одели жилет с множеством карманов, и, подогнав к корме лодку с мотором, приступили к назиданию:

– Значит, поедешь туда, – показал рукой вдоль правого берега Саныч, – там будет заливчик, в него речушка впадает. Чуть подальше, у скалы, помост деревянный, вот там прикормлено. Лови, не хочу! В лодке снасти от спиннинга до закидушки. Вперед и с песней, студент!

Этими словами Саныч закончил напутствие и, ухватив за талию, пытающуюся втиснуться в плавсредство Валу, потащил всю компанию обратно к столу. Митька сел в лодку и, заведя мотор, направился к месту лова. Пришвартовав посудину к помосту, выгрузил снаряжение. Нацепив наживку, позабрасывал все снасти. Сел на стульчик и, оглядевшись, ахнул от окружающей красоты. Наверное, только городской житель может оценить совершенство природы, произвольно сопоставляя грандиозность создания с собственной никчемностью. Именно такая нетронутость поражает не искусенную душу варвара. Он на мгновение пугается греха вторжения в замысел Божий. А здесь Митька почувствовал не просто спонтанную гармонию присущую дикой природе, а идею. Все вокруг, сочетаясь в едином порыве, воздействовало на человека без его воли, растворяя в общей законченности. Не прошло и пяти минут, а уже благодатная пустота разливалась внутри, выключая все тревоги и волнения. Звуковой фон медленно угасал, окутывая, словно ватой, и в приглушенной тишине нежно зазвучал колокольчик.

– Извините, у Вас клюет.

Реальный голос вернул из прострации. Митька ошалело замотал головой. Перед помостом буквально в десяти метрах в лодке стоял человек.

– Чего? – переспросил Митька.

– Клюет у Вас, подсекайте. – Повторил незнакомец.

Митька схватил удочку и, почувствовав рыбок, потянул на себя. Вытащив приличного карася, принялся отцеплять крючок. Закинув в очередной раз, поблагодарил незнакомца.

– Спасибо за помощь. Может я Ваше место занял?

– Нет, нет! – Успокоил лодочник. – Здесь всем хватит. Просто хочу предупредить, закидушку на руку не наматывайте, там кольцо в помосте есть, вот за него леску и привяжите. Тут сомы килограмм на двести встречаются. – И, оттолкнувшись веслом, поплыл дальше.

Митька глядя в след советчику подумал, что буквально минуту назад собирался намотать толстую леску закидушки на руку. Почему-то послушав незнакомца, сделал, как он велел. Еще

не успела скрыться лодка, как сильный толчок тряхнул помост, и леска, натянувшись, струной запела над водой. Митька, чуть не упав, попытался потянуть, но кто-то намного сильнее его, с другой стороны, дернул к себе. Около часа он совершал попытки одолеть рыбину, но могучее противодействие сводило усилия к нулю. Тогда Дмитрий плюнул на все и, прихватив единственного карася, решил вернуться на дебаркадер. Его появление было бурно отмечено компанией. Карася, как первый трофей, водворили на стол. А предприимчивый Георгич, предложил обмыть, на что все ответили дружным согласием. Правда, Сан Саныч поинтересовался:

– А что, вообще не клевало?

– Да нет, – успокоил Митька, – на закидушку так дернуло, чуть помост не снесло.

– Ну, а ты чего?! – включился в разговор Георгич.

– Да как только не тянул, а ничуть не сдвинул.

– Вот дела! На закидушке леска толстенная, поводок из стальной проволоки пол тонны выдерживает. Со всей ответственностью утверждаю. Предлагаю помочь рыболову.

Согласие ехать изъявили Сан Саныч и Георгич. Сидоров, не отрывая рук от тела изрядно распаленной Гали, предпочел остаться. А на просьбу Вали, Георгич мудро изрек:

– Рыбу ловить, не щи варить. Не бабское это дело!

Загрузившись в лодку, быстро домчались к месту предстоящего поединка. Стоило только Георгичу взять в руки вяло лежащую леску и слегка дернуть, как кто-то рывком, натянул снасть до предела.

– Серьезная чушка! – Констатировал Сан Саныч. – Придется повозиться.

Вдвоем принялись, метр за метром, вытаскивать рыбину. Длительное время продолжалось противостояние, и все же, напрягая все силы, рыболовам удалось сломить сопротивление. И когда на поверхности появилась голова, Митька от неожиданности вскрикнул. Размером с бычьей, только без рогов, башка на самом деле могла напугать. А когда яростно брыкающуюся тушу подтащили к баркасу, Георгичу пришлось раза четыре со всего размаха огреть обухом топора, чтобы успокоить. Втащить в лодку так и не смогли. Подцепив багром, отбуксировали к дебаркадеру, и только лебедкой доставили на борт. Двух метровым бревном лежала рыба у ног победителей. Сан Саныч, обойдя трофей, со знанием дела объявил:

– Сом убийца!

– Как это? – удивился Митька.

– Вот такие рыбины сами на рыбаков охотятся. Прикусит наживку и легонько подергивает. Неопытный рыбак подсекает, сом с нежным упрямством подается. Рыбак по натяжке определяет улов килограмма на два, от счастья леску на руку наматывает и начинает вытягивать. Вот тут и следует, со всей дури, рывок. Жертву сносит в воду, а прожорливая уродина утягивает беднягу на глубину. Ну а потом жуют потихоньку.

– Прямо пираньи какие-то! – Отступив от туши подальше, заметил Сидоров. – Ты, Митька, молодец, что закрепил леску за стальное кольцо. Профессионал!

– Да нет, – почесал голову ошарашенный Митька, – все не так было. Я как раз леску на руку намотать собирался. А тут мужик на лодке посоветовал как правильно.

– Вот за спасителя твоего стоит выпить. – Решил Георгич. – А Матрена пусть займется продуктом.

– Саныч, а кто это был, не знаешь? – Уже вслед уходящим, крикнул Митька.

– А Бог ведает. Тут многие шлятся. – Успокоил егеря. – Хотя, пузырь ему поставить обязан. Сейчас лежал бы под корягой, и жевали тебя тепленького.

– Вот им праздник обломился. – Пошутил Георгич и неожиданно запел. – Дельфин и русалка, они, если честно, не пара.

Выпивать принялись азартно, благо появился повод. Приготовленную рыбу Матрена принесла в тазу. Удачливость Митьки вызвала у Георгича желание увлечь добытчика завтрашней охотой. Было обещано необыкновенное зрелище. Митька, не в состоянии противостоять

соблазну, согласился. Сидоров притащил двустволку и, объясняя устройство, потребовал пристрелять оружие. Все заинтересованные лица проследовали на правый борт. Закинув пластиковую бутылку в воду, зарядили ружье. Сидоров, подталкиваемый стремлением продемонстрировать меткость перед восхищенной Галей, на вскидку, почти не целясь, саданул дуплетом.

– И, как всегда, не попал! – Констатировал Георги́ч. – Вот сейчас было показано, как не надо стрелять. В этом деле основное изготовка. – И, перезарядив ружье, передал Митьке. Тот, подержав в руке, приложил к плечу и выстрелом разнес мишень в клочья.

– Знато! – Похвалил Саныч. – Где научился?

– Да в армии приходилось пользоваться, – отшутился Митька. И, передав оружие Георги́чу, попросил: – Завтра разбудите, если все-таки соберетесь на охоту. Пойду посплю, а то что-то утомился.

Ночь прошла беспокойно. Компания куралесила на всю катушку. Пару раз в дверь скреблась обездоленная Валя. Но Митя, противопоставив позыв плоти ожиданию увидеть пьяную бабу с устоявшимся запахом перегара, выбрал одиночество. Утром, как не странно, разбудил на вид трезвый Георги́ч. Собрались желающие поохотиться на берегу. Лицо Сидорова показывало степень порока приобретенного за последние дни. Николай болезненно переживал свое вертикальное положение, стремясь прислониться к опоре или присесть. Только Сан Саныч с Георги́чем по-молодецки хорохорились в ожидании развлечения. Шли долго, под предводительством егеря. Только однажды сделав привал, все же достигли небольшого озера с густо поросшими камышом берегами. Здесь Сан Саныч предупредил вести себя тихо и объяснил, что с Георги́чем разведут по номерам.

– Стоять на отведенной тебе позиции следует замертво, чтобы не пересекать секторы огня. А то, перестреляете друг друга, к чертовой матери! – Закончил инструктаж Георги́ч.

Взяв с собой Митьку отправился по правому берегу озера. Пройдя метров сто, остановился у кряжистого дуба. Топнув ногой, приказал:

– Вот здесь замри как вкопанный. Утку погонят точно на тебя. Вали сколько сможешь. Уразумел?

– Да все будет в норме, Георги́ч. Только назад пойдете, про меня не забудьте. – Попросил Митька, поправляя ружье на плече.

Оставшись один, зарядил оружие и, прислонившись к дубу, прислушался. Из камыша доносилось кряканье. Птица не догадывалась, что остались минуты. Когда спасая жизнь, придется нестись сквозь тучи смертельной дробы. Это напряженное ожидание потревожил спокойный голос:

– Мужчина, можно Вас попросить, от дерева отойдите.

– Это еще почему? – Удивился Митька обернувшись к незнакомцу. Незваным благодетелем оказался недавний рыбак, так вовремя подсказавший о креплении лески. – А я Вас поблагодарить хотел! – Сразу забыв об охоте, отозвался Митька, и, не дожидаясь ответа, пошел на встречу. Не успел пройти и метра, как раздался хлопок. Вслед за этим десяток уток, отчаянно хлопая крыльями, взмыли вверх. Автоматной очередью прокатились выстрелы, прорезывая стаю. Со свистом прилетевшая дробь ударила в ствол дерева, отколов кору. Митька остолбенел. Отметены свинца, расположились как раз на уровне головы, именно в том месте, где только что стоял. Он даже не испугался, просто ясно понял, секунда отделяла его жизнь от смерти, и спасителем был все тот же, неизвестно откуда взявшийся человек. Незамедлительно подошел к мужчине в длинном брезентовом плаще.

– Вы кто? – Поинтересовался Митька.

– Фрол Плиний младший. – Ответил незнакомец и протянул руку.

– Дмитрий Угрюмов. – Пробурчал растерянно Митька, обмениваясь рукопожатием.

– Дмитрий Угрюмов, если захотите меня найти, мой дом у одинокого утеса, прямо во впадине. Ваши товарищи знают место. А теперь разрешите откланяться. – И, сделав поклон головой, незнакомец скрылся в кустах.

Не далеко послышались голоса Георгияча и Сидорова:

– Митька, иди помогай трофеи собирать.

К дубу вышли радостные охотники, неся по связке убитых уток.

– Ну, вот, Георгияч, говорил тебе, он пустой как барабан! Тут кроме сноровки опыт немаловажную роль играет.

– Ну, ты чего, Мить, стрельнул хоть раз?! – Спросил Георгияч.

– Ты сюда посмотри, – показал на дерево Митька, – за секунду до выстрела отошел! – сорвавшись на крик, заорал: – Какой мудака на утку картечью заряжает?! Это, во-первых. И какой осел палит по горизонтали?! Мне бы сейчас башку снесло!

Георгияч побледнел и, подбежав к дереву, рукой провел по отметинам.

– И впрямь картечь! О Господи!

Сидоров, бросив уток, ткнул Георгияча пальцем в грудь:

– Это Коля, зенитчик. Я еще обратил внимание, прямо передо мной птицу в лоскуты распустило. Вот, урод! Мы у него оружие конфискуем. Ты только, Мить, успокойся, он не со зла, поверь.

– Сам знаю, по пьяни. Только мне от этого не легче. – Почти мирно согласился Митька, и решительно постановил: – Все, больше с вами не ходок. Только рыбалка на удочку!

Вскоре собрались все участники узаконенной бойни. Убитых уток насчитали несколько десятков. Сложив тушки в единую кучу, Георгияч произнес обвинительную речь в адрес пристыженного Николая. Преобладала не нормативная лексика. Аргументацией служили следы от выстрела и конфискованные патроны с картечью. Николай пытался оправдаться спешкой при сборах, особенно делая упор на добровольную помощь при упаковке боеприпасов подруги Вали. На что Георгияч предложил засунуть все оружие вместе с Валею Николаю в одно место, а, распаясь по ходу перечисления, отправил туда же всю дичь с дебаркадером и родней. Даже Сидоров побледнел, с испугом поглядывая на объемный зад Николая. Приговор объявил Сан Саныч – до окончания охоты, оружие нарушителю не выдавать. Все согласились с подобным решением и, прихватив трофеи, двинулись домой.

К их встрече готовились. В кают-компании добытчиков ждал накрытый соленьями, овощами, рыбой и хлебом стол. В центре которого, величаво красуясь, наполненная до краев, возвышалась бутылка. Прибавилось и участников. Появился небольшой мужичок с окладистой бородой по имени Трифон, и две расчудесные девушки Люся и Нюра. Матрена, приняв мясные припасы, организовала помощниц, и закипела на кухне работа. Трифон гордо похвалился, что внес свою лепту в праздник в виде оленьей ноги, добытой в утренней охоте на дальнем кордоне. Не дожидаясь основных блюд, решили размяться по маленькой, и закружило. После второй грянули «Артиллеристам», подтянулась молодежь и праздник степенно начал набирать обороты. Митька, не дожидаясь буйного разгула, решил поскорее уладить свои дела. Подсев поближе к Сан Санычу, так, между прочим, поинтересовался:

– А кто такой Фрол Плиний младший?

– О! И ты сподобился чудака узреть! – Засмеялся егеря и, перекрывая песню, закричал: – Трифон, поди сюда! Расскажи ему про чокнутого. – Затем смекнув, удивленно спросил Митьку: – А ты откуда его знаешь?

– Да сегодня встретил. – Решив не вдаваться в подробности, ответил Митька.

Подвинув стул, рядом расположился подоспевший Трифон, и слету принялся объяснять:

– Тут, года два назад, археологическая экспедиция промышляла, наскальными рисунками интересовалась. Вот он вместе с ними и прибыл. Толи орнитолог, толи практолог, но то, что кандидат наук, точно знаю. Они свое дело сделали и уехали, а этот остался. Книгу пишет,

явно головой тронулся, по всему видно. По документам Фрол Таиров, а сам каким-то «плинтусом» представляется. Определенно мужчина малость не в себе. А так, безобидный. Рыбкой, грибочками балуется, иногда пропадает куда-то, может чего ищет. Мы его не трогаем, блаженный.

– Сан Саныч, а никак к нему съездить нельзя? Охота древности посмотреть. – Попросил Дмитрий.

– А какие проблемы?! Он в медвежьей пади, тут не далеко. Ты все равно без дела маешься. Завтра Трифон и покажет. Хочешь, у него на пару дней оставайся, мы все равно на кабана в затон пойдем.

– Только он тебе ахинеей башку проточит. – Предупредил Трифон.

– Да не понравится, вернется! – Успокоил Сан Саныч.

Тут же выключившись из темы, все с головой окунулись в веселье. Вновь спонтанно возникший хор исполнил «Хасбулат удалой», с надрывом протяжно подвывая. Только появление съестного, поданного в огромном блюде, прервало исполнение. Приступили к трапезе с тостами и прибаутками. На этот раз чудотворная жидкость, принятая в изрядном количестве, подвигла молодежь к танцам. Сан Саныч приволок откуда-то баян и Трифон, с умением свадебного музыканта, исполнил попури из шлягеров семидесятых годов. Почему-то делая основной упор на песню Чебурашки, хрипло подпевая «Пусть бегут неуклюже, пешеходы по лужам». Девчонки, с первых аккордов ринулись в пляс, пытаясь затащить с собой кавалеров. Митьку Валя, схватив за руку рывком борца сумо, вынесла в центр и, притоптывая, закружила вокруг с дурным всхлипыванием. Дмитрий, зная, противиться бесполезно, грузно затоптался на месте, с интересом поглядывая, как захваченные животным порывом мужчины, втягиваются в ритуальный пляс, поддаваясь безудержному влечению плоти. Даже Георгич и Сан Саныч ринулись тискать девок, хихикая и охая. Напрыгавшись до пота, Митька вывалился из клубка тел и, присев в уголочке, опять с раздражением почувствовал себя лишним на празднике жизни. Радость не проникала внутрь, будто водой окатывая кожу, стекала вниз, не принося свежести и веселья. Опять захотелось одиночества, и под шумок вышел из кают-компания. На палубе остаться одному не получилось. Сюда Георгич привел пышную повариху Матрену и, для удобства прислонив к стенке, порывисто принялся мять, пытаясь путем подножки завалить на спину. Дмитрий, стараясь не испортить борьбу нанайских мальчиков, незаметно ретировался к себе в каюту и, плюхнувшись на койку, попытался заснуть. Но, видимо этот день отличался повышенным магнитным фоном или какой другой аномалией, обитателей дебаркадера потянуло на любовь. По крайней мере, так казалось по звукам, доносившимся из-за стены. И как только в дверь заскреблись, и нетрезвый голос Вали позвал, Дмитрий, не раздумывая, затащил к себе девушку.

Побудку произвел Трифон, с баяном пройдя вдоль кают, дуэтом с Георгичем исполнив в полный голос: «Нас утро встречает прохладой». День открыли купанием в обязательном порядке. Полумертвые люди, попадая в целебные объятия прохладной воды, оживали на глазах. Дмитрий, вместе со всеми принявший участие в водных процедурах, ощутил необыкновенную легкость источаемую водами волшебного озера. Будто заново родившиеся, свеженькие, все собрались в кают-компания. Георгич, прежде чем гости принялись завтракать творогом, яичницей и плюшками с чаем, огласил программу развлечений. Наступивший четверг был объявлен банным. Все мероприятия перенесли на берег, где у егерей срублена баня. Ответственными за доставку бутыли, назначили Сидорова и Николая. На попытку Дмитрия что-то сказать, Георгич отреагировал мгновенно:

– Митьку Трифон отвезет в распадок к утесу. Матрена соберет продукты на три дня. – Заметив, как заулыбался Митька, добавил: – Бытие определяет сознание. – И, постучав пальцем по бутыли башней возвышавшейся на столе, закончил: – А сознание определяет потребности. Вот и выходит, потребности определяют бытие.

Дмитрий, покачав головой, посоветовал:

- Георги́ч, менять тебе напиток надо. Так ты до теории относительности допьешься.
- Вот с этого и начнем. – Заявил Сан Саныч, и потянулся к бутылке.

Митьке понадобились усилия, дабы теребя то Матрену, то Трифона, отрывая от приятного занятия, добиться отплытия. Наконец, его снарядили. И, провожая всей компанией, отправили в поход. На двух лодках, под крики: «Возвращайся скорей, Одиссей!», Дмитрий с Трифоном отчалили. На приличном ходу минут сорок шли вдоль берега, затем свернули в протоку. Пристали к пологому берегу и Трифон, показывая рукой на избушку прилепленную впритык к расщелине утеса, пояснил:

– Вот там и живет Фро́л. Мужик он добрый. А если надоест, дорогу домой знаешь. – И, развернув лодку, заторопился назад.

От берега к бревенчатой избушке пролежала тропа, выложенная камнями и проросшая мхом. Дмитрий, с некоторым волнением, прихватив сумки, направился к дому. У самого крыльца его остановил голос:

– Здравствуйте! – И из-за дома, на встречу вышел вчерашний незнакомец. – Вы не стесняйтесь, заходите. Мне кое-что доделать надо, так что располагайтесь.

Ожидая с первых минут проявления ненормальности, Дмитрий упрощенную встречу списал на явное нездоровье хозяина. И, решив не особо обращать внимание на нарушение этикета, воспользовался приглашением. Рубленный из бревен дом, внутри скорее напоминал баню для городского жителя. Деревянные лавки, стол, шкафы, все было сделано рукой опытного плотника, но без особых изысков. Две комнаты, кухня, прихожая, и огромная печь, сложенная из камня. «Вот и вся планировка», – отметил про себя Дмитрий, и, уже вслух, похвалил:

– Мило. Скромно, но со вкусом.

– Приятно, что Вам нравится. – Заметил появившийся из-за шкафа незнакомец, и, успокаивая опешившего Дмитрия, объяснил: – Тут еще одна дверь есть, она прямо в сарай выходит, там дрова, припасы. Ну, типа черного хода.

– А, ну, да. – Еще не совсем понимая, согласился Дмитрий, и, пытаясь поддержать разговор, решил сразу прояснить ситуацию. – Вот, воспользовался Вашим приглашением. Желая ознакомиться с археологическими открытиями. Так сказать в гости, – замаявшись, выдал: – Фро́л Плиний младший.

Хозяин радостно заулыбался:

– Вот так действуют клишированные стереотипы. Человечество выстроили в одну линейку и заставили рассчитаться на первый второй, и стоит кому-то сказать восьмой, как это вызывает панику. Лучший способ освободиться от догаданий, выйти из строя. Вы запомните Дмитрий. Если что, называйте себя, к примеру, Опавший лист, и человечество тут же оставит Вас в покое.

– Спасибо за совет. – Печально поблагодарил Дмитрий. – Но, если можно, используйте мое имя.

– Конечно, конечно! – Успокоил хозяин, и, не делая паузы, предложил: – Может быть, я покажу Вам наскальные рисунки?

– Пожалуй. – Согласился Дмитрий.

– В таком случае, прошу за мной. – И, повернувшись, Фро́л проследовал к шкафу. Сразу за ним оказалась неприметная дверь. Фро́л снял со стены фонарь и вышел из дома. Подойдя к расщелине, жестом поманил Дмитрия. Спускаясь вниз, все глубже уходили в пещеру. С нарастающим беспокойством Дмитрий поглядывал по сторонам.

– Извините, Фро́л, а куда мы, собственно, направляемся? – Относительно ласковым голосом поинтересовался новоявленный турист. Проводник, не замедляя шага, успокоил:

– Сейчас увидите, тут не далеко осталось.

Но еще минут пять они петляли в крошечной темноте, пока Фрол не остановился. Достав из кармана зеленый камень в форме куба, пристроил в углубление стены. Медленно мерцая, она забрезжила зеленоватыми бликами. Постепенно проявилось помещение правильной круглой формы с купольным потолком. Эффект был невероятным. Светились стены, полы, источая яркость изнутри. Это выглядело так неожиданно, что Дмитрий пораженно крутил головой не находя объяснений. Фрол, желая усилить впечатление, повернул камень в нише, и невидимые лампы, поменяв цвет и мощность, преобразили помещение до неузнаваемости. Под куполом возник рисунок очень выразительной геометрической формы, а стены покрылись словно ворсом, и легкая волна побежала по ним, создавая колыхание. Не имея понятия, с чем столкнулся, Дмитрий решил пошутить: «Вот значит, как жили неандертальцы?!». Фрол засмеялся, по достоинству оценив юмор.

– Мне кажется найдено уникальное решение дизайна. Отделочные материалы преобразуют реальность с помощью света, меняя интерьер. Я насчитал до тридцати комбинаций. Фрол, а что это такое, в принципе?

– Вот на эту тему нам стоит поговорить. Только дома. – Фрол вынул из ниши камень и, прихватив фонарь, направился в обратный путь. В доме, все больше интригуя молчанием, завожился в прихожей. И, достав две удочки, улыбаясь, предложил Дмитрию: – Нам бы рыбки половить, а то вечером есть захочется. – Не дожидаясь согласия, вышел из дома и направился по тропинке к лодке. Дмитрий, повинуясь, вслед за хозяином залез в посудину и, оттолкнувшись от берега, медленно отплыли.

Неторопливо загребая веслами, Фрол принялся восторгаться открывшимся пейзажем волшебного озера. Делая упор на то, что подобных мест на земле существует не много. Они каким-то чудодейственным способом влияют на человека, со временем меняя характер и мировоззрение. Люди, поселившиеся здесь надолго, рано или поздно, приходили к религиозному успокоению, находя внутреннее осознание и замыкаясь от окружающих. Никто не мог понять, почему они тяготели к одиночеству, уходя в глубь, неизведанных бескрайних лесов. Случаев исцеления в этих местах не счесть. Но странное дело, стоило человеку прийти за облегчением тела, он находил смирение души, теряя всякий интерес к своим житейским страстям. А Дмитрия все подмывало спросить о таинственной пещере, но, боясь спугнуть, томительно ждал, когда рассказчик сам начнет объяснять происхождение находки.

Добравшись до заливчика, причалили к поваленному дереву. Фрол забросил удочки и, уставившись на поплавки, застыл в оцепенении. Дмитрий, не испытывая охотничьего азарта, более не желая терпеть молчание, решил на прямую выяснить ситуацию:

– Фрол, зачем было мне показывать пещеру, если ты даже не собираешься ничего объяснять! Если это глупый прикол, то классную штуку вы открыли, прими мои поздравления. Советую возвести гостиницу, возить туристов. Богатым человеком будешь. Есть на что смотреть. Вот сталактитами обвесить, прикрутить дискотеку, сюда со всего света ломиться начнут.

Фрол засмеялся:

– Хорошо, изволь! Ты знаешь, что такое Гиперборея?

Дмитрий замялся:

– Наверное из алгебры или геометрии.

Фрол посуровел:

– Так и знал! Все изначально объяснить придется. Начнем с того, ты не случайно тут оказался, и о пещере кроме нас, не знает никто.

Дмитрий даже заерзал от неожиданности, от чего лодка, накренившись, чуть не зачерпнула бортом воду.

– Вот что, Фрол! Со мной за последнее время столько неожиданностей происходит, одной больше, одной меньше, удивляться не приходится. Так что давай, выплескивай информацию.

– Хорошо, слушай. – Согласился Фрол. – В истории человечества существует тайна. О ней поминают все известные религии. Это неведомая земля. В легендах народов волшебную страну называли по-разному, но описывали одинаково. В скандинавском эпосе она располагалась на востоке. Блаженная страна Азов, со священным городом Арартом, где люди не знали смерти, где путник находил небесный свет и вечную жизнь. На Тибете существовала Шамбала, жители которой обладали бессмертием и владели абсолютным знанием. Но Геродот упоминает еще об одной цивилизации, Гипербореи. Он утверждает, страна находилась на крайнем севере. А такой гигант античности, как Плиний старший, которого все авторитеты считают самым беспристрастным ученым, так описывает гиперборейцев – «народ этот достигает весьма преклонных лет и прославлен великими достоинствами». Легенды утверждали, что именно там находятся петли мира, и крайние пределы обращения светил. Домами для жителей являлись рощи и леса, там неизвестны раздоры и болезни. Смерть приходила по желанию, от пресыщения жизнью. После вкушения старости они бросались со скалы в море, считая самым счастливым способом погребения. Плиний заканчивал словами – «нельзя сомневаться в существовании загадочного народа». Известна карта Герхарда Меркатора, одного из выдающихся картографов всех времен. Опираясь на древние знания, он изобразил Гиперборею, как Арктический материк, окружающий северный полюс. На эту тему наслоились легенды о цивилизации Титанов. Стоит вспомнить о существовании мистической страны Туле. Весь мир до сих пор спорит об Атлантиде. Со временем все переплелось до неузнаваемости, вызывая улыбки у маститых ученых. Но как ни странно, только одна составляющая всех эпосов и мифов не вызывает сомнения – везде присутствует «гора мира». О ней говорится в древних религиях как об источнике мироздания, создателе земли, будущего и прошлого. Когда мы получили сведения о наскальных рисунках, то направили археологическую экспедицию Новосибирского отделения Академии наук. Но меня лично меньше всего интересовали древние граффити. Я всегда со смирением представлял, как через тысячу лет раскопают какой-нибудь подвал, и всем миром будут пытаться понять надпись «Спартак-чемпион» или «здесь был Вася». Ко всему прочему, меня влечет совсем другое и, приехал я сюда разобраться в случаях исцеления на берегах Михайловского озера. Да и некоторое упоминание о священной прародине человечества, где не было смерти и зла, а царствовала любовь и добро, указывало на эти места. А если подумать, это был золотой век, о котором мечтает христианство. Именно здесь, во сне, мне пришло откровение, и проявилась расщелина. И когда экспедиция исчерпала свой ресурс, я остался один, объявив себя сумасшедшим, вызвав подобным поступком сожаление у своих коллег. Но в наш век чужие проблемы никого не интересуют. – Фрол замолчал и внимательно посмотрел на Дмитрия. Тот сидел как замороженный. – Мне открыли и тебя. Ты – последователь. Я дважды спас тебя от смерти. В прошлой жизни ты умер, а сейчас находишься в пространственном узле перехода, не сознавая свершившегося факта.

Дмитрий ничего не понял из прослушанной лекции, но именно в этот момент поплавки бешено задергались, и Фрол принялся подсекать рыбу. Буквально за пять минут они выволокли четырех огромных карпов и, свернув снасти, направились в обратный путь. По прибытии собрались готовить уху. Фрол принялся чистить рыбу, а Дмитрия, свободного от трудов, так и распирало поговорить. Поразмыслив, неожиданно пришел к странным выводам, и, не откладывая в долгий ящик, решил поделиться сомнениями с хозяином дома:

– Фрол, а тебе не кажется, что ты великий выдумщик?! Убедил себя, что спасаешь мне жизнь, выполняя миссию, а это может быть всего лишь череда случайностей. Вон, в восьмидесятом году с товарищем хотел поехать в Сочи, билет на самолет купил. Накануне нажрались до поросычьего визга, и опоздали на самолет, а он возьми, да разбейся. Нам даже повестки о гибели прислали. Ну и какая тут миссия?! Мне что теперь на бутылку водки молиться? В пещере стены светятся и что чудного?! Может мох, какой или неизвестные науке простей-

шие фосфоризируют, а ты вокруг целую теорию выстроил. Позови ученых биологов, они тебе в раз растолкуют.

Рассуждения Дмитрия допекли Фрولا, он, в раздражении, бросил рыбу на стол:

– Ты меня и в правду за идиота принимаешь?! Оправдываться, только доказывать свою несостоятельность. Жюль Верна, тоже считали мечтателем, а большинство его фантазий воплотилось в жизнь. Гиперболойд Беляева объявили бредом, а сейчас лазер везде, о нем даже дети знают. При всей человеческой эрудиции мы в состоянии понять о себе не более внешнего вида, все остальное догадки и предположения. Нашей очевидной памяти от силы пять тысяч лет. А возраст земли, миллиарды. И не факт, что большинство времени она была питательным бульоном. На ее поверхности разворачивались великие цивилизации, существующие совершенно на других принципах. И вполне возможно, что утилизация отходов их жизнедеятельности принципиально отличалась от нашей. А мы все кладбища ищем, по костям картину мироздания воссоздать пытаемся. Забывая, что человек анализирует факты, опираясь всего-лишь на знания, накопленные за период своего сознательного существования. А у нас они на уровне дятла. Нас как обезьян дрессируют, а мы возомнили себя создателями. В космос летаем, как собак запускали, так и нас посылают. А откуда все берется и почему, объясняем эволюцией. Я тебе, Дмитрий, наглядно продемонстрирую, не космический корабль, а нечто совершенно иное, что перевернет твоё мировоззрение. Может тогда поймешь, что человечество не эволюционирует, а деградирует. – Фрол решительно направился к двери и настойчиво позвал: – Дмитрий! Попрошу за мной.

Опять темными лабиринтами проследовали в пещеру. Фрол, повозившись, зажег стены желтым светом с зелеными переливами.

– Чтобы это не было, но иллюминация явно вставляет. – Заметил Дмитрий.

Фрол, не обращая внимания на реплику, прошел в центр пещеры к круглому постаменту. Упершись руками в поверхность, бесшумно сдвинул крышку, открыв нишу в глубине. Дмитрий подошел, и удивленно заглянул в образовавшийся склеп. Внутри словно ворсом, он был покрыт мхом зеленого цвета, на ощупь словно бархат, с легким свечением.

– Что такое? – поинтересовался Дмитрий.

– Давай поговорим потом. Ты мне доверься, не пожалеешь. – Успокоил Фрол.

– Ладно, – неожиданно быстро согласился посетитель.

– Раздевайся. – Скомандовал хозяин пещеры.

– Ну вот! Начали о науке, а кончается все— гнусными предложениями. – Забубнил Дмитрий, расстегивая брюки.

Фрол, не обращая внимания на критику, ушел куда-то вглубь и вернулся, неся полное ведро воды. Осторожно вылил воду в нишу и, заметив, как свечение усилилось, заулыбался. Повернувшись к стоявшему в трусах и носках Дмитрию, вежливо попросил:

– Придется сексуальный наряд снимать.

– Извращенец! – огрызнулся испытатель, но немедленно подчинился. – А теперь что делать?

– Залезай внутрь. Ложись и просто расслабься.

Фрол помог Дмитрию расположиться. И пока тот пристраивался поудобней на мягкой подстилке, неожиданно задвинул крышку. Замурованный, попытался испугаться, но именно попытался, страха не было. Внутри ниши свет, разгораясь, поменял цвет на розовый, влажный мох стал нагреваться и появился запах. Аромат разлился необыкновенный. Слегка волнуемый Легким покалыванием, словно током, пробежал по телу озноб. Дмитрий расслабился, погружаясь в приятную истому. Еще мгновение и сознание окутало туманом, выключая действительность. Но шелест песка и призывный плеск волны, разбудили спящего. Дмитрий открыл глаза и с улыбкой взглянул на изумрудное море, расстилавшееся у ног. Зачерпнув ладонью золотистый песок, ощутил теплоту и, засмеявшись, поднялся. Он чувствовал лег-

кость, совершенно по-новому воспринимаемая собственное тело. И еще умел летать, и не сомневался в обретенном качестве. Сделав буквально два шага, оттолкнулся от земли, захлебываясь восторгом, полетел над морем. Берег удалялся, превращаясь в черточку на горизонте. И когда вокруг осталось только море, сложив руки, бросился в глубины, с шумом врезавшись в воду. Словно черепаха, поплыл к коралловому рифу, россыпью бриллиантов сверкающему в глубине. Стайки разноцветных рыбок принялись кружить вокруг, приглашая к игре. Словно гигантские елочные фонарики, сменяя цвета висели медузы, медленно переливаясь. Подплыв к скале, сел на выступ, с изумлением разглядывая обитателей подводного мира. Проплывая совсем рядом манта, взмахивая гигантскими плавниками, словно крыльями, накрыла своей тенью. Но больше всего удивило, за хвост рыбины уцепилась девушка, с распущенными волосами, беззаботно болтающая ногами. Они увидели друг друга. Дмитрия потянуло к ней неведомой силой. Он почувствовал, что девушка идеал, мечта всей жизни. И движением руки оттолкнувшись, вылетел из воды. Взмыв высоко, стал парить кругами словно орел, ожидая подругу. Она выпрыгнула из воды, подлетев, тряхнула головой, обдав брызгами. Он взял ее за руку, и пара в стремительном полете помчалась к берегу. Им не надо было говорить, они жили мгновением. Их вела любовь, и они были любовью. Их сердца бились в унисон, дыхание соединилось в блаженстве. Две половинки нашли друг друга, образовав целое. Их полет, был полетом мечты, воплощенной в действительность. Они стояли на высоком утесе и порыв ветра, подхватив, понес над коврами лугов с небесными цветами. Они слышали пение птиц и понимали смысл любви. Им был подвластен мир, они были частью его великолепия. Дмитрий первый раз не чувствовал бренности своего тела, обретая бессмертие. И в мгновение, когда появилось желание взлететь выше неба к звездам и там загореться новой планетой, раздался голос: «Просыпайтесь. На первый раз хватит». С трудом разомкнув губы, Дмитрий прошептал:

– Гад ты, Фрол! Ты мне всю жизнь испортил!

– Точно, я себе тоже самое говорил! – Засмеялся Фрол. – Одевайся, страдалец. Простудишься.

Тихим и смирным явился в дом Дмитрий, отрешенно наблюдая за приготовлением обеда. Он молчал опустошенный полностью. Но паузу нарушил Фрол:

– Страдалец! Картошку с грибами есть будешь?

– А куда рыба делась? – поинтересовался Дмитрий.

– Уничтожена мною вчера. Что я, голодать должен?! – доложил хозяин.

– Не понял?!

– Да все просто и ясно. Ты два дня спал в пещере.

– Как это? – привстал со своего места Дмитрий. – Минут пять прошло, не больше.

– Там, – не прекращая нарезку овощей, заговорил Фрол, – вечность. Она не определяется границами. Просто была заданность погружения, ты ее исчерпал.

– Стой, Фрол! – почесывая затылок, прервал собеседника Дмитрий. – По порядку объясни, что это было, наркота, глюки?

– Ни то и не другое. По моему мнению, геперборейцы развивали духовные качества человека, овладевая знаниями основ миропорядка. Став, по сути, творцами последующих цивилизаций. Эта «гора мира» функционирует по неведомым законам, и как устроена не дано понять. Можно только догадываться. Если мы дошли в технологиях до жидких кристаллов, то следующий шаг, построение схем молекулярным способом в едином монолите, так называемые нано-технологии. Питание автономное, статическое напряжение и геомагнитные колебания земли. То, что испытал ты, каким-то образом, возможно, проецировать многим пребывающим в подобном состоянии. Это не сон, скорее погружение в анабиоз. Время пребывания можно регулировать количеством воды, заливаемой в нишу. Картины счастья одна из функций горы, основная задача подготовка к переходу.

– А это что такое? – задал вопрос Дмитрий.

– Точно не знаю, но думаю, перевод индивидуального сознания, наделенного жизненным опытом, в иной план существования. Возможно, они сами создавали миры и уходили туда по своему желанию, аналогию с подобным можно обнаружить в пантеоне богов древней Греции и Рима. Отголоски своеобразных построений, существующих рядом с нами, легко найти в античной литературе.

– Подожди, – прервал повествование Дмитрий, – ты сам то, веришь во все сказанное?

– Не только верю, а готов уже уйти. Мне необходимо подобрать последователя. А что до фантазий, то запомни, больше на земле пророков не будет. Наступает эра вдохновителей. Кому надо, те поверят. А кто всю жизнь у корыта с жором проводят, посмеются. Им участь горькая уготована. Так что поезжай мил человек назад в охотничий стан, пока там панику не подняли. Подумай, а если что, возвращайся.

Дмитрий сразу принял предложение хозяина и без лишних сборов приготовился к отъезду. Фрол проводил до лодки и, оттолкнув посудину от берега, еще долго стоял, провожая гостя. Причалив к дебаркадеру, Дмитрий заулыбался. Над волнами притихшего озера неслись рулады хорового пения. Исполняли блатной репертуар, звучала классика жанра: «По тундре, по железной дороге». Солировал явно Георгич, выделяясь мощностью тембра. Дмитрия встретили ревом и, на перебой, ринулись обниматься. Вырвавшись из объятий, Дмитрий остолбенел, узрев на столе все ту же бутыль, наполненную под завязку. Показав на нее пальцем, спросил:

– Она чего, не кончается?! – и, не дожидаясь ответа, сам себе объяснил, – Это лампа Алладина, и вы ее превратили в посудину с вечным пойлом.

– Точно! – пьяненько хихикнул Николай, – И пока не выпьем джина до дна, никуда не уйдем. – И, икнув, добавил: – Это новое прочтение сказки по-русски.

– Ладно, трепаться! – Успокоил компанию Георгич. И, похлопав Дмитрия по плечу, предложил: – Садись, поешь. Небось, отошал там, с ботаником! – И, ухватив стакан, зычно грянул: «Бывали дни веселые». Компания тут же подхватила, и понеслось. Дмитрий, накладывая еду в тарелку, огляделся по сторонам, узнавая все те же лица, но несколько измененные за прошедшие дни. Сидоров порозовев, от трудов пастельных, сидел в обнимку уже с двумя дородными дивчинами, изредка от избытка тиска их по очереди. Николай, потрясенный алкогольной токсикацией, пребывал в состоянии постоянного опьянения средней тяжести. Георгич с Саньчем, бойцы закаленные, только вошли в рабочий ритм, орлами поглядывая на окружающих. Ну а девчонки, явно не обделенные мужским вниманием, светились удовольствием. «Вот оно, простое человеческое счастье», – отметил про себя Дмитрий и, вспомнив все недавно испытанное, не выдержав, громко засмеялся. А на вопрос Саньча: «Ты чего?», сквозь смех ответил: «Небо с болотом сравнил», и, заметив удивленные глаза, успокоил: «Кайф!».

К вечеру, распаленные весельем, пошли купаться. Молодежь, раздевшись до гола, прыгала и плескалась. Только Георгич с Саньчем, сидя на пригорке, умиленно поглядывали на ярмарку тел, изредка перекидываясь репликами типа: «Галька достойная девка! Да и Валька ничего!». Митька, поддавшись общему веселью, с удовольствием возился в воде с объемными женскими телами. С Сидоровым они подкидывали девок, играя в глубинные бомбы. Только однажды Дмитрий обронил никому не понятную фразу: «Если попал в болото, не пыжься и не дуйся на его обитателей».

Нарезвившись вдоволь, собрались, как выразился Георгич, на «вечерний чай». Выкатили ведерный самовар, баранки и ватрушки, с медом и вареньем, принялись очищать организм, правда, чередуя безвредную жидкость с порцией алкоголя. Пели лирическое. Особенно хорошо выходила «Сняла решительно пиджак брошенный». Здесь уже солировали дамы. Вкладывать столько эмоций в подобный сюжет, могут только женщины пережившие подобное. Расходиться стали темной ночью. Дмитрий даже и не заметил, как к нему в номер проникла Надя, девушка со знатной грудью и великолепными бедрами. Оценив достоинства доставше-

гося богатства, Дмитрий счел идиотством отказываться, назвав даму персиком, обнял незваную гостью.

Утренний распорядок объявил зычный голос Трифона. Сначала завтрак, а затем запланированный поход за грибами на приз лесничества. В кают-компании Дмитрий подсел к Георгичу:

– Я тут подумал, на досуге, хочу на месяц задержаться. Мне здесь бальзам на душу. Заплачу лесникам баксов пятьсот, поживу у Фрола, ну а припасы они мне подкинут.

Георгич внимательно посмотрел на собеседника:

– Смотри, лес затянет. На моей памяти подобное бывало, срубили избу в глуши и одичали, послав к едрене фене все человечество. А хотя тебе видней! Еще вопрос, где лучше?! Дерзай, Дмитрий! Я сам, если честно, к старости сюда переберусь. Ей Богу!

– Ну и чудненько! – поблагодарил Дмитрий, подхватив под руку Саныча, что-то зашептал ему на ухо.

Лодка причалила к пристани и Дмитрий, сложив ладони рупором, зычно позвал:

– Фрол, где ты?! Встречай подопытного! – послушав эхо, Дмитрий обречено изрек: – А в ответ, тишина и не видно ни зги. – И принялся самостоятельно выгружать припасы, перетаскивая в избу. За полезным занятием не заметил появления хозяина. Фрол, стоя в стороне, подождал, когда гость затащит последний мешок, и только после этого объявил:

– Зверь ты в работе!

– Спасибо за помощь! – смеясь, подытожил Дмитрий. – Ну вот, Фрол, прибыл для дальнейших экспериментов. Времени куча, так что можешь начинать подготовку.

– Ладно, уговорил. – Сразу согласился Фрол, и скорым шагом направился в дом, позвав на ходу: – Следуй за мной. Пожалуй, преступим.

Дмитрий сорвался с места, догнав хозяина у входа в расщелину, попридержал за рукав:

– Да погоди ты! Я еще толком и не понял, что делать надо.

– Слушай, Дмитрий, – вкрадчиво начал объяснять учитель, – не знаю как, но думаю, гиперборейцы обучались познанием множественности вариантов возможного развития человеческой жизни. Им не надо было забивать голову науками, базирующимися на измерении и изучении свойств материи. Их технология могла виртуально проецировать погруженному в анабиоз человеку упущенные варианты неосуществленных жизненных путей. Учитель, находящийся в таком же состоянии, мог присутствовать при явленной проекции, корректируя, или скорее объясняя, происходящее. Память и знание, полученные в результате обучения, после пробуждения остаются. Ты способен осознать себя в различных ипостасях своего существования. В конечном итоге ты реализуешь все свои возможности, обретя единственно правильный путь, который и есть твоя сущность. – Заметив, что Дмитрий с начала лекции стоит, как истукан, не мигая, попытался успокоить: – Не бойся, мне тридцать вариантов изменения пришлось прожить, пока не понял. И не забывай, у меня советчиков не было! Я чуть от страха не крикнул. А ты не один. Так что вперед, студент!

И опять лабиринтами они проникли в пещеру. На этот раз малиновым светом с желтыми вкраплениями переливались стены, а сфера потолка пульсировала гибкой спиралью. Фрол подошел к стене и, задвинув какой-то блок, открыл нишу с углублением вроде склепа. Затем, набрав воды, аккуратно вылил в ложе, внимательно определяя уровень с черточками на дне. Дмитрий, наблюдая за манипуляциями, непременно заинтересоваться:

– А это для чего?

– Не знаю. – Искренне пожав плечами, ответил Фрол. – Только так оно действует. А ризки, фиксируют продолжительность процесса и количество вариантов. Вот сейчас, после полива, появятся растения вроде мха или грибов. Именно они ответственны за вывод из организма токсинов и обогащение наших клеток кислородом, выделяя вещества способные погрузить нас в анабиоз. А по истечению означенного времени и разбудить. В естественной флоре

подобных растений не существует. Как включается механизм воздействия, понятия не имею. Я тебе уже говорил, мне кажется, он построен на молекулярно-кристаллическом уровне и аппарат сама скала.

Дмитрий, заговорщически понизив голос, прошептал:

– А ты не боишься, что кто-нибудь найдет пещеру?

– Ах да, – спохватился хозяин, – совсем забыл! Система охраны. В пещеру не то, что посторонний человек не войдет, даже зверь. Мышь, да что там мышь, муха попасть не может. В каждом отдельном случае включается избирательный, индивидуальный метод защиты. Или ультразвуковые сигналы, или блокировка визуальных каналов, не знаю. Но только по каким-то причинам меня пустили, да и тебя выбрали тоже. Ты кто по профессии?

– Да, в основном, барменом двадцать лет отработал. – Почему-то засмутился Дмитрий.

– Вот видишь, наверно там с барменами проблема! – явно съязвил Фрол и, заглянув в нишу, заметил, что мох, плотным ковром покрыл ложе. – Ну, что?! пора! Раздевайся, познавай вечность!

– А ты? – почему-то испугался Дмитрий.

– Да не сомневайся! С тобой буду. – Показав рукой на второе ложе, объяснил: – Мы с тобой, головами соприкасаясь, вместе твою жизнь проживем.

– Ну ладно! – успокоился ученик и, раздеваясь, уже весело, спросил: – А чего мне надо делать?

– Вот главное! – Фрол на секунду задумался. – Необходимо вспомнить жизненную ситуацию, или человека, или даже предмет, который, по твоему мнению, мог изменить жизнь, развернув течение в другую сторону.

– Этого у меня сколько хочешь. Только скажи, в каком периоде копать? – спросил Дмитрий.

– Ну, скажем, относительно сознательном, – Посоветовал Фрол, залезая в нишу.

Дмитрий незамедлительно последовал примеру, расположившись в другом углублении. Вода была теплая, а нежное прикосновение мха слегка щекотало тело. Он хихикнул, устраиваясь по удобнее.

– Ну, давай, рассказывай, – попросил Фрол. И Дмитрий, глубоко вздохнув, принялся вспоминать историю, которая, по его мнению, могла кардинально изменить жизнь.

– Сначала стоит рассказать предысторию, а то сложно понять ход событий. Семья моя состояла из матери и двух братьев. Младшим по возрасту был я, с разницей в пять и семь лет. Ютились мы в однокомнатной квартире. Сейчас, с позиции прожитых лет, мне ясно, что особой любви между нами никогда не было. Причиной являлось наличие разных отцов у каждого из братьев. И, соответственно клан родственников, принимавших в свое окружение только близких по крови. И в семейном раскладе только у меня не было даже номинального папаши, ибо, являясь плодом безрассудной любви, даже в метрике был записан на мать. Подобный инцидент обрек меня на статус «бедного родственника» с рождения. – Дмитрий на секунду прервался, чувствуя возникновение легкого запаха, с привкусом мяты и чего-то еще очень сладкого. Голова закружилась, и время воспоминаний оживило. Растворенные в прошлом события, поглотив, выплеснув переживания и ощущения забытого времени. Заговорили действующие лица тех событий, и Дмитрий исчез, растворившись в мальчишке Мите, двенадцати лет отроду.

Открывая дверь, вошел в квартиру своего детства. И, бросив портфель, забежал в комнату. За столом сидел старший брат, старательно выписывая что-то из раскрытой книги в толстую тетрадь. Не поворачивая головы, лениво приказал:

– Вымой руки, и иди на кухню. Разогрей картошку.

– Некогда. На тренировку опаздываю. – Огрызнулся Митька, в спешке переодеваясь.

– Что там, в школе? – поинтересовался брат.

– Да как всегда, тягомотина!

– Помни нашу договоренность. Учись, как хочешь, но чтобы мать в школу не дергали.

– Да знаю! – Уже из кухни отозвался Митька. – Ладно, я побежал. Валер, может дашь пятнадцать копеек на мороженное.

– А в лоб не хочешь? – моментально отреагировал старший брат. И что-то вспомнив, уже у самых дверей остановил Митьку окриком: – Подожди! Поди сюда на секунду.

Подчинившись, Митьке пришлось вернуться. Но гримасой он выразил всю гамму чувств.

– Не строй рожи! Слушай внимательно. Значит так, – замялся брат, – я на лето уеду с сестрой, ну твоей тетей Валею на Украину. Кольку забирает отец на дачу. Ты остаешься с матерью. Вот тут есть одно «но».

– Да не тяни ты, опаздываю! – поторопил Митька.

– Ладно, значит так. Мать нам всю свою жизнь отдала, горбится с утра до ночи, чтоб поставить на ноги, о себе не думает. А тут неожиданно-негаданно приключилась любовь. Появился мужичок. У него там какие-то сложности в семье, ну и мать просит, пока нас не будет, чтобы здесь пожил.

– Да ради Бога! – сорвавшись с места, уже в движении прокричал Митька. И, словно показывая слайды, внимательным зрителям, включилась другая картинка.

Митька, войдя в комнату, встречает сидящего на диване мужчину в шароварах и майке. Аккуратно сложив газету, недобрый, колючим взглядом, тот посмотрел на Митьку и, специально слащавым голосом, с нотками издевательства, попросил:

– Мне необходимо с Вами поговорить, Дмитрий. Мне кажется, мы не можем найти общий язык. Нам стоит объясниться, по-мужски.

Дмитрий, всматриваясь в одутловатого человека с залысинами и выпученными глазами, опять испытал по всему телу дрожь неприязни. Это было даже не отвращение, которое человек испытывает при виде змеи или жабы, а омерзение, будто вляпался в дерьмо или рвоту. Подобное накатило на Дмитрия уже в первую встречу с сожителем матери. Льстиво-угодливый человек с короткой бородкой, и в обязательных костюмах, это сразу понял. Мальчонка, с лету, нутром, раскусил его сущность, и объявил войну. Он домогался конфликта, искусственно провоцируя мать, и та поддавалась, становясь орудием мести. По миллиметру прощупывая Митькину жизненную позицию, Владимир Александрович искал слабости, пытаясь нанести удар. Мальчик чувствовал опасность. Выросший на улице, научился определять врага сразу, как бы тот не маскировался. И то, что предстоит стычка знал, но старался оттянуть неизбежное, жалея мать, и надеясь дождаться приезда братьев. То, что ухажер заставил мать пойти в школу расспрашивать об успехах сына, ни к чему не привело. Все учителя, в один голос, твердили, он талантлив, но предпочитает спорт учебе и поэтому удовлетворен тройками. Мать подобная оценка не расстроила, даже наоборот. Встреча с инспектором по делам несовершеннолетних, также не дала «положительных» результатов. Было заявлено, с тех пор, как Дмитрий занялся спортом, он исправился, длительное время не совершал правонарушений, и вообще, стоит поднять вопрос о снятии с учета. По всему выходило, Владимиру Александровичу никак не удавалось исподволь спровоцировать конфликт чужими руками. Но, мастеру подлости и доноса, невозможно было пережить поражение. Уразумев, что краеугольным камнем положительных метаморфоз является спорт, где талант Дмитрия реализовался полностью, и в свои двенадцать лет он уже был кандидатом в сборную СССР. Сожитель решил именно туда нанести удар, рассчитывая сломить ребенка, растоптав его независимость. Но повода для наезда, как назло, не находилось. И вот сейчас, пока Дмитрий, проследовал на кухню разогреть обед, Владимир Александрович залез к нему в портфель, и, достав дневник, обнаружил годовую двойку по пению. Именно этот предмет не особенно давался мальчику. Не потому, что не хотел петь, напротив, исполнял музыкальные произведения самозабвенно. Любимая песня учителя «Вечерний звон» в исполнении Дмитрия повергала в шок не только класс, но и всю

школу. Слова «Вечерний звон», он выговаривал с придыханием, с нежностью пытаясь вложить в них всю неизрасходованную детскую любовь, но вот «Бом-бом», взрывалось подобно атомной бомбе. Учитель плакал, но Дмитрий упорно твердил, что таков авторский замысел. Результатом дискуссии и явилась злосчастная двойка. Вот за нее и уцепился Владимир Александрович. Раскрыв дневник, положил на стол и, ухмыляясь садистской улыбкой, принялся ждать мальчика. Дмитрий поел, и, как всегда опаздывая, заскочил в комнату за сумкой. Слащавым голосом, сожитель попытался остановить ребенка:

– Не стоит спешить, Митя. Вы скрыли двойку, и на тренировку не пойдете!

Дмитрий сначала даже не понял о чем речь. Его занятия спортом были табу для всех, и никто в семье не имел права вторгаться в эту сферу. Запрет постороннего человека, им был воспринят как оскорбление. Ответ последовал незамедлительно:

– Да пошел ты, урод! Своих детей воспитывай!

Владимир Александрович аж подпрыгнул от удовольствия. Вот оно, святое, до чего нельзя дотрагиваться. Вскочив, бросился к входной двери и, закрыв замок, положил ключ в карман.

– Нет, Митя, решение по важному вопросу мы примем, когда придет твоя мать. – И с особой издевкой, добавил: – Необходимо хорошо учиться, чтобы заниматься физкультурой.

Поступок сожителя потряс Дмитрия. Он побледнел и, не находя выхода, растерялся. Но волна злости на холеного упыря, наполнила решительностью. Подхватив сумку, подошел к балконной двери и принялся открывать задвижку. Почувствовав, что добыча ускользает, и Дмитрий готов прыгнуть со второго этажа, Владимир Александрович враз лишился хвального хладнокровия, и с криком кинулся на парня. Обхватив руками сзади, рывком повалил на пол. Зажав голову между коленей, подхватил лежащее у батареи удилище от спиннинга, с остервенением принялся хлестать по спине мальчика. Придавленный коленями к полу, Митя не сопротивлялся, даже не кричал, только по-звериному скрипел зубами. И жуткое молчание возбуждало палача. Он потерял рассудок, избивая ребенка изо всех сил. Только когда кровь проступила сквозь рубашку, опомнился, и отпустил мальчика. Сев на диван, Владимир Александрович, довольный собой, оскалил зубы, и опять ласково попросил:

– Ты, Дмитрий, не обижайся. Тебе отца не хватает, и доброй порки. Мы с твоей матерью, наверное, распишемся, и я займусь твоим воспитанием.

Мальчик поднялся с колен, и молча ушел на кухню. Теория дворовой драки учит бойца, если ты не в состоянии выиграть поединок в прямом столкновении, то, с атака используя момент, всеми силами нанеси удар, ибо другого шанса у тебя не будет. Дмитрий, вступивший в поединок, действовал по правилам уличного боя, полностью сконцентрировавшись на победе. Зайдя на кухню, немного подождал, успокаиваясь и просчитывая шансы, взял утюг и решительно зашел в комнату. Довольный победой Владимир Александрович лежал на диване. Читая газету, что-то напевал себе под нос. Дмитрий подскочил к обидчику и, с размаху ударил утюгом по голове. Кровь брызнула на стену, долетев до потолка. Мальчик бросил оружие и, посмотрев на хрипящего сожителя, вышел из квартиры. На лестничной клетке остановился у соседней двери и позвонил. Вышла соседка. Митя, не здороваясь, закричал:

– Тетя Катя! Я убил ухажера матери. Вызови скорую а я пошел в милицию.

Дмитрий добежал до отделения и, заскочив в дежурную часть, выпалил милиционеру:

– Я убил человека. Адрес: улица Советская дом пятнадцать, квартира семь.

Тот, буднично записал, и, без эмоций, проводил мальчика в кабинет инспектора по делам несовершеннолетних. Женщина, выслушав сбивчивый рассказ, сочувственно заметила:

– На этот раз, Митенька, все! Будем оформлять в спец приемник. Временно находиться будешь здесь, пока мать не придет, а там решим.

Ему поставили стул в углу, он сел и затих. Уже под вечер в комнату вошел начальник милиции с папкой в руках. Подойдя к Мите, внимательно оглядел правонарушителя, и изрек:

– Ну что, доигрался, убивец?! – и, видимо от щедрот душевных, крепкой рукой похлопал по спине.

Дмитрий застонал, и упал со стула на пол, потеряв сознание. Очнулся от боли, когда стали отрывать рубашку от запекшейся кровью спины. Сразу бросилось в глаза лицо начальника, удивленное и растерянное. С каким-то страхом он смотрел на спину мальчика, лежавшего на столе, не в силах отвести взгляда от липкого месива, покрытого растрескавшейся коркой крови. Придя в себя, в голос заорал:

– Ну, гад! Еще жертвой уловника прикидывается. Страдалец от любви! – Затем, видно что-то решив, приказал: – Парня перевязать, и ко мне в машину!

Дмитрия забинтовали, усадив в ГАЗик с мигалкой, доставили в травмпункт. Там сбегался весь персонал смотреть на дело рук изверга. А старый доктор, аж прослезился, отмывая раны от крови. Заключение написал, на трех страницах размашисто расписавшись. Начальник приобщил документ к делу, и вместе с мальчиком отбыл в больницу, где находился потерпевший. В палату зашел с Дмитрием, и, подойдя к кровати, на которой лежал Владимир Александрович, молча протянул бумаги.

– Что это? – еле слышно прошептал бедолага.

– А приговор тебе лет на девять, а то и моментом морэ, с такой статьёй на зоне не живут.

– Как же так? Ведь он меня убил! – заканючил встревоженный пациент.

– Ну-ну, будет! – успокоил начальник. – Врачи утверждают, что у Вас легкое сотрясение и рассечение кожного покрова на голове. Он ведь Вас плашмя, гражданин, ударил. А вот что Вы с ребенком сделали! Гадство сплошное.

Тут в палату ворвалась мать и, окинув тревожным взглядом присутствующих решив, что пострадавшим является сожитель, подлетела к постели и заголосила:

– Володечка! Прости его неразумного! – и, переполняясь эмоциями, с криком: – Только приди домой, выпорю! – бросилась на сына.

Дмитрий отшатнулся, а начальник, перехватив безумную женщину, попридержал за плечи. Увидев, как у Дмитрия наворачиваются на глаза слезы, ласково попросил:

– Ты, сынок, иди, в машине посиди. А мы тут поговорим.

Минут через сорок начальник вышел вместе с матерью из больницы. Она, пристыженная, с опущенными глазами подошла к сыну и, как-то неловко, скомкано, попросила:

– Не обижайся на меня, я все перепутала, дура.

Начальник глубоко вздохнул и постановил:

– Значит так, заявление забрали, дела не будет. – А затем, немного стыдясь, принялся объяснять мальчику: – Понимаешь, мы его урода привлечем, но и тебя без наказания не оставим, ты же у нас на учете, с подвигами, личность. Вот и решили, лучше тебе на свободе университеты проходить.

Их отвезли домой. С этого момента что-то случилось в семье. Произшедший случай старались не обсуждать. Мать частенько не ночевала дома, продолжая встречаться с кавалером. Приехавшие братья почему-то осуждающе поглядывали на Дмитрия, заговорщески шушукаясь с матерью. По всему выходило, виноват был в крахе личного счастья, Митька. Ближе к осени, под каким-то дурацким предлогом, был отправлен жить к неизвестной тетке Таисьи, которую в глаза до встречи не видел. Да все бы не беда, но была родственница сектанткой, и в доме постоянно собирались такие же черные вороны, замотанные в платки, и бубнили каждый вечер что-то нудное и протяжное. Почему-то их вера особенно ненавидела электричество, тетка Тая выкрутила пробки, и с темнотой зажигала свечи. Но и это вынес бы Дмитрий, если не посты. Питалась вся долбанная команда какой-то гадостью, называя скоромным. Дмитрий решил, что Господь не мог заповедовать своим служителям, потреблять в пищу полусырые, тухлые продукты, и, помучившись пару месяцев, убежал на огород, где стоял сарай, сбитый из досок, с электрической лампой и летним водопроводом. Но не суждено было продлиться

его мытарствам долго, за ним приехал средний брат, и торжественно объявил, что именно его родственники решили предоставить убежище отщепенцу.

И опять произошел скачок в реализации прошлых видений. Дмитрий жил на Крапоткинской, в центре Москвы, в пяти комнатной квартире. Вселению предшествовал, длительный разговор с номинальным родственником. Он представился Наумом Максимовичем, и сухо доложил, что является одним из известных адвокатов. Затем были продемонстрированы члены семьи, сын Юра, с виду озорной, веселый парень года на три старше Дмитрия, и домработница Нюра, сумрачная, немного испуганная женщина лет пятидесяти. Наум Максимович попросил Дмитрия называть его дядей, и повел к своей сестре. Правда, перед визитом заткнул кусками ваты нос, что слегка удивило Дмитрия. Юрка демонстративно достал платок и смочил одеколоном из бутылки, стоящей на столе. Закончив процедуру, по длинному коридору, проследовали в дальнюю комнату. По мере приближения Дмитрий почувствовал, как нарастает отвратительный запах мерзкого коктейля из мочи, кала и гниющего мяса. Войдя в комнату, все понял. Сестра была полностью парализована и безмолвной тушей лежала на кровати. С трудом, открыв рот, она издала бессвязное бормотание, таким образом, приветствуя вошедших. Наум Максимович с искренней жалостью посмотрел в глаза сестре и, погладив рукой по голове, ласково успокоил:

– Сонечка, сей молодой человек, родственник. Он будет помогать Юре, ухаживать за тобой. – Вернувшись в кабинет, хозяин, оставшись один на один с Дмитрием, откровенно предложил: – Я все прекрасно понимаю, и в курсе Ваших трудностей. Можете считать, что хочу воспользоваться Вашим положением, но предлагаю компромисс. Вы выполняете не вполне приятную работу по уходу за моей сестрой, а это – дважды в день переворачивать, мыть и менять белье. А так же попытаетесь стать товарищем моему аболтусу, у которого только девки на уме. Да, для начала, можете ему передать, что я знаю о его увлечении табако курением, и прошу прекратить воровать у меня сигареты. – Сделав паузу, заглянул в блокнот, и тут же продолжил: – Со своей стороны, обязуюсь прилично содержать Вас, устроить на обучение, и не препятствовать спортивным занятиям, что, по моему мнению, может плодотворно повлиять, как положительный пример, на моего сына. У Вас есть время подумать. Жить Вы будете в комнате с Юрой.

На этом официальная часть закончилась. Новый друг, не давая возможности опомниться, сразу принялся рассказывать о семье, показывая квартиру. По его словам выходило, что делать можно все, что захочешь, с условием выполнения возложенных обязанностей. Единственным запретом являлось посещение кабинета хозяина, и приставание к клиентам, часто заходящих в дом. Все остальное никого не волновало. В тот же вечер Дмитрий испытал шок, проделывая вместе с Юркой процедуру вечернего моциона с парализованной Соней. Набрав тазик теплой воды, и взяв мочалку с мылом, преодолев барьер тошнотворного запаха, вошли в комнату. Юра, не обращая внимания на мычание, привычно скинул одеяло, и, упершись руками в бок больной, попытался перекатить тело на живот. Дородная Соня только колыхалась от потуг, и тогда Юра зло закричал:

– Что стоишь? Помогай!

Дмитрий, преодолевая брезгливость, воткнулся руками в скользкое, рыхлое тело, и, что есть силы, надавил. Вдвоем они перевернули несчастную женщину. Юра, как опытный санитар, принялся губкой обмывать пролежни на спине и бедрах. А Митьку, увидевшего на клеенке желтую, вонючую жидкость, рвало, судорожно и жестоко. Подобная реакция рассмешила Юрку. Он в одиночку закончил процедуру и даже помог Митьке убраться за собой. В коридоре философски заметил:

– Человек универсальное создание, ко всему привыкает. И, как говорит мой отец, многие венценосные особы почитали святым долгом подобную заботу о ближнем.

А Дмитрий, слушая товарища, подумал: «Наверное, данное испытание не самое худшее, что предстоит пережить, пожалуй, стоит согласиться. По крайней мере, я не кому не должен».

Так пролетели два года. Он изредка посещал семью, все более отдаляясь. По истечению отпущенного срока, мученица Софья преставилась. Однако скорбное обстоятельство, не побудило Наума избавиться от Митьки. За время совместного проживания он к нему привык и даже более, разочаровавшись в беспутном сыне, все внимательней приглядывался к Митьке, часто по вечерам приглашая на беседу. Наум Максимович в юридических кругах был фигурой легендарной. Его считали основателем золотой пятерки адвокатов, способных взяться за любое гиблое дело и выиграть. Он однажды даже рассказал Дмитрию, о героическом начале своей карьеры. В Минске, после войны, году в пятидесятом, разыскали десяток полицаев, принимавших участие в уничтожении гражданского населения. Правительство решило провести показательный судебный процесс, и во исполнение всех процессуальных норм, назначило им адвокатов, из числа молодых неоперившихся недавних студентов. Формировать группу защиты поручили Науму Максимовичу, и тот, помятуя о том, что процесс приобретает международный интерес, собрал вокруг себя талантливых и одаренных юристов. Специалисты отмечали блистательную работу защиты. Зубры обвинения даже не удосужились хотя бы мало-мальски оформить доказательства вины обвиняемых, упирая на эмоциональную сторону. Защита, в пух и прах, громила сырые доказательства, пользуясь просчетами обвинения. Присутствующие в зале и на площади перед зданием суда, не понимая, тонких изысков и блистательных ходов юридической мысли, интуитивно почувствовали, что кровавых мерзавцев хотят увести от заслуженного наказания и возненавидели защитников. Их встречали ревом и шквалом оскорблений. А когда наверху поняли, что в очередной раз вляпались, и подставить молокососов, загубив их карьеру не получится, решили сменить состав защиты. Наум смеялся:

– Нас вывозили из Минска на бронетранспортере. Боялись расправы.

И здесь, впервые, Дмитрий задал вопрос, заставивший юриста потерять самообладание:

– Наум Максимович, а разве не безнравственно было защищать палачей, нелюдей?

– Не понял?! – подался вперед хозяин. – Как ты сказал? Безнравственно?! Ты хотя бы, понимаешь, смысл произнесенного слова? – и, поймав себя на том, что кричит, опять обрел ледяное спокойствие одев на лицо, маску равнодушного созерцателя. – Послушай, юноша! И запомни на всю жизнь. Безнравственно было назначать защитниками молодых неопытных ребят, ожидая от них срыва процесса, заранее готовых обвинить в провале. Ведь нас выбрали не случайно, мы были новой волной в юриспруденции. Грамотные, знающие, способные вырабатывать тактику защиты. При нашей системе доказательств, где превалирует признательно-свидетельский фактор, а не вещдоки, при грамотной работе со свидетелями, можно развалить любой процесс.

Именно с этой беседы Наум, кажется, выбрал Дмитрия продолжателем своего дела. Он стал рекомендовать ему книги для чтения, а главное, потихоньку, не напрягая, пытался приобщать к своей профессии, правда, избрав для этого не совсем разумный метод. Он давал Дмитрию дела, просил ознакомиться и высказать свое мнение. Внимательно выслушивая, равнодушно рассказывал о тактике защиты, а, выигрывая дело, несколько торжественно зачитывал оправдательный приговор суда. Стоит учесть, что занимался Наум Максимович сложнейшими уголовными процессами, как правило, связанными с убийством. Услуги его стоили баснословных денег, и нанять светилу мог только человек обеспеченный. Клиенты, доверившись ему, были откровенны, что являлось одним из условий работы адвоката. Очень скоро Дмитрий в этом убедился. По необъяснимой прихоти, Наум как-то раз попросил его спрятаться за книжный шкаф, и послушать исповедь преступника. Митьку окатили подробности убийства с оценкой переживаний и описанием сцен насилия. Разбор дела, каждый раз, становился все детальней. Наум требовал составить психологический портрет преступника, определить вменяемость и, если Митька буксовал, давал ему надлежащие книги, через некоторое

время, опять возвращаясь к теме. Дмитрий даже не заметил, как втянулся. Вместо «Графа Монте Кристо» и «Трех мушкетеров» он читал дела серийных убийц, мысленно представляя место преступления, внутренне ощущая ужас жертв и восторг исполнителя. От подвижек собственной психики спасал спорт. Он остервенело занимался на тренировках, добиваясь лучших результатов. Вскоре начались поездки за границу, откуда он возвращался отдохнувшим. Но стоило попасть домой, как с необъяснимым упорством, опять включался в предложенную Наумом игру. Беседы по вечерам, с обсуждением уголовных дел, становились неотъемлемой частью жизни. А так как Наум Максимович еще и консультировал множество юристов, дел было невпроворот. Подобное погружение в смрадную сторону человеческой деятельности не могло пройти безнаказанно. Внутренний протест нарастал, грозя вылиться в нечто ужасное. Последней каплей к принятию решения послужил клиент, совершивший преднамеренное убийство своей жены и дочери. Закрепив свои отношения с богатой женщиной законным браком, и вступив в совместное владение имуществом, он долгое время вынашивал план овладения недвижимостью. Медленно, с холодным расчетом, приучал своих домашних к лесным прогулкам, рыбной ловле, и небольшим туристическим походам. А когда женщины вошли во вкус, собирая грибы и ягоды, с удовольствием пользуясь дарами природы, осуществил задуманное. Просто добавил в одно из блюд достаточное количество разнообразных ядовитых грибов. Засыпав приготовленное снадобье в кастрюлю, любящий муж отбыл в командировку, обрекая на мученическую смерть жену, дочь и к несчастью, приехавшую тещу. План сработал, за маленьким исключением. Следователи обнаружили на месте происшествия книгу «Растительные яды» с закладкой на странице, озаглавленной «Съедобные и ядовитые грибы». Это и послужило основанием к возбуждению уголовного дела. Клиент, тщедушный человечиска с внешностью обтертого интеллигента, донимал Наума Максимовича причитаниями о допущенной ошибке. Каждый раз настойчиво рекомендуя свалить все на дочь покойной, обвиняя в намерении покончить жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Выслушивая торопливые сбивчивые рассуждения, Дмитрий, сидя в своем убежище за книжным шкафом, испытал чувство жуткого омерзения и, какой-то необыкновенной силы, злость. Это не была все затмевающая животная ярость, наоборот, холодное расчетливое стремление уничтожить. Именно в подобное состояние впадают хищники, выходя на охоту. После ухода клиента, поговорив с Наумом Максимовичем, Дмитрий ушел к себе. Засыпая, впервые не боролся с кошмарными миражами преступлений. Мир ужасов больше не преследовал, он вошел в него полновластным участником.

Просыпался Дмитрий трудно, словно выныривая из бездны. И вот уже, кажется, видны солнечные лучи, но нет сил двигаться. Ужас от неминуемой смерти мутит разум, сковывая тисками безволия. Испугавшись безысходности, дернулся вперед и медленно открыл глаза. С трудом вспоминая, посмотрел вокруг себя. Все та же небольшая комната с покрашенными в салатовый цвет стенами, зарешеченное окно. Попытался встать, но не в состоянии побороть слабость, лишь слегка повернулся. Весь мокрый после пережитого кошмара, натужно застонал. В дверь вошли двое в белых халатах. Мужчина лет сорока, с зальсынами и заостренными чертами лица, и женщина, статная, горделивая от осознания своей красоты. Дмитрий попытался сконцентрироваться, чтобы вспомнить, кто они и где находится, но мысли таяли, не доходя до понимания.

– А вот Ольга Викторовна, совершенно иной случай. – Заговорил мужчина. – Начну с истории болезни. По договоренности с родственниками проводим лечение шизофрении односторонними электросудорожными шоками. Мужчина тридцати пяти лет не выходит более полугода из тяжелейшего бреда. В него вплетено столько разнообразных символов, что не воз-

можно, выделить основного ядра в потоке ассоциаций. Он утверждает, что является убийцей. Полностью уверен что совершал аморальные поступки. После правостороннего шока, когда поведением больного управляет в основном левое полушарие, доминантное по речи, он, отвечая на вопросы, описывает комплекс причин толкающих его к преступлению. Вот тут надо заметить, что защитно-психологический характер ложных убеждений, объясняет нам их бредовую форму.

Женщина жестом прервала рассказчика:

– А зачем при этом применять аминазин и препараты подавления?

Мужчина поморщился, явно вопрос был ему неприятен.

– Кое-кто не доволен длительностью лечения и подталкивает нас на крайние меры. Вот и Вас прислали заниматься конкретно этим случаем.

Ольга Викторовна сурово посмотрела на собеседника:

– Попрошу впредь прекратить медикоментозное воздействие на больного. Мне незачем общаться с идиотом. И распорядитесь провести курс релаксации. – Повернувшись, посетители вышли из палаты, оставив Дмитрия в покое.

Дня три его никто не трогал. Можно даже сказать, кормили досыта, холили и лелеили. Но, несмотря на такое обхождение, память возвращалась медленно, незаконченными отрывками. Выходя в коридор и, встречая сострадальцев, чувствовал, что знает их, но не мог вспомнить кто они и откуда. То же творилось и с собственной жизнью. Очередность и ощущение прожитого, будто кто-то нарочно перепутал. Догадываясь, что испытывает последствия воздействия таблеток, инъекций и различных терапий, особо не напрягался, понимая, что единственное лекарство – время. С трудом, к концу недели, из бессвязного бреда стали складываться хоть немного понятные построения. Даже внешне произошли изменения, из немощного сгорбленного существа с затравленным взглядом, пришел к своей прежней форме, выпрямив плечи и подняв голову. А обретение сознания, позволило проанализировать ситуацию. Дмитрий прекрасно понимал, что возвращают его к разумной жизни отнюдь не за красивые глаза, и вести себя стоит очень осторожно. Внутренняя интуиция тревожно подсказывала, что на этот раз цена ошибки, возможно смерть. Его особо не страшил подобный исход, он был готов к нему давно. А вот понять, кто стоит за всем, что с ним произошло, хотелось до безумия. И он спокойно готовился к встрече с яркой холодной женщиной со стальным цветом глаз. Он видел ее мельком, ловя на себе изучающий, внимательный взгляд. А как только здоровье позволило почувствовать себя мужчиной, оценил женские достоинства. Она манила с первого взгляда, притягивая осанкой, походкой, чуть влажными губами. И только глаза приоткрывали суть опасной красоты. Все предыдущие специалисты, работавшие с Дмитрием, показались ему просто коновалами, в сравнении с утонченной, расчетливой дамой, обладающей властью решения в последней инстанции. Дмитрий, в который раз попробовал понять, что же произошло. Внезапно скончался Наум Максимович, хотя для своих преклонных лет обладал хорошим здоровьем. Последние годы почти не практиковал, но активно консультировал. Дмитрия устраивало подобное течение дел. Они продолжали раз в неделю разбирать юридические нюансы, исследуя тонкости защиты, и вынося собственные приговоры. Как правило, оценка Наума, всегда совпадала с решением суда. Дмитрию же оставалось либо соглашаться, либо думать о пересмотре дела. То, что Наум знал о выбранной Дмитрием профессии, не сомневался, хотя за долгие годы, они не разу не говорили на эту тему. Но теперь, после странных событий, выходило, что за всем стояли еще какие-то люди. Буквально на следующий день после похорон, за ним приехали, сделали насильно укол, и очутился он в закрытой частной психиатрической клинике с необходимым диагнозом и интенсивным лечением. Его ни о чем не спрашивали, а наоборот, настойчиво убеждали, что он жертва навязчивого бреда. Попытки доказать обратное, признавались припадками, которые незамедлительно подавлялись. В результате у него не хватало даже времени подумать. Довольно быстро его сделали слабоумным идиотом. И сейчас, впер-

вые за полгода, привели в божеский вид и, по большому счету, Дмитрия перемены пугали. К исходу второй недели впервые вызвали на беседу. Два дюжих санитаров доставили к кабинету и, дождавшись разрешения, ввели в помещение. Пока усаживали в кресло и подключали датчики, спокойно смог оглядеться. Во-первых, удивило множество аппаратуры, также заметил камеру и закрепленные микрофоны. За столом напротив, спокойно наблюдая за суетой, сидела снежная королева. Пощелкав клавишами и настроив аппаратуру, жестом отпустила санитаров. Выдержав паузу, представилась:

– Меня зовут Ольга Викторовна. Некоторое время мне придется заниматься Вами. С помощью необходимых приборов, попытаюсь установить истинную степень Вашей болезни. После чего дам свои рекомендации. Правда, если Вы не возражаете?! – последние слова были сказаны таким тоном, что Дмитрий понял, его протесты не примут к сведению. Вопрос скорей был проформой от щедрот душевных. Но, все равно, он попытался убедиться в своей догадке.

– Извините, аппарат случаем не детектор правды?

– Ну, в какой то мере, в бытовом понимании, да. – Согласилась Ольга Викторовна.

– Тогда извините! А психа на нем, зачем диагностировать? Он же больной! – возмутился Дмитрий.

– Позвольте мне решать, каким методом пользоваться! – со сталью в голосе, прервала дискуссию доктор, и предложила: – Давайте, не теряя времени, начнем. – Заглянув в тетрадь, лежавшую на столе, задала заранее подготовленный вопрос: – Вот Вы утверждаете, что впервые убили человека около десяти лет назад. Как и при каких обстоятельствах, совершили преступление?

Услышанное, повергло в шок Дмитрия. «Откуда они знают? Ведь я никому никогда ничего не рассказывал!» И, желая потянуть время, возмущено заорал:

– Да что Вы ахинею несете?! Какие убийства? Сначала таблетками нашпигуют, заморочат голову, а потом, здрастьте приехали! – И, имитируя приступ ярости, истошно заорал: – Караул! Насилуют! – И забился в кресле, пытаясь избавиться от пут.

В комнату влетели санитары, и умело зафиксировали буйного, а грациозно подошедшая Ольга Викторовна, сделала укол пациенту. Дмитрий обмяк. Непомерная усталость волной накрыла тело, напрочь отбив желание буйствовать и сопротивляться. Обретенное чувство, похожее на усталость пловца плывущего длинную дистанцию, было знакомо Дмитрию, и он уцепился, решив для себя терпеть, не подавая вида, что способен справиться с безволием. Заметив разительные перемены в поведении больного, Ольга Викторовна позволила себе улыбнуться:

– Мой совет Вам, Дмитрий, отнеситесь серьезно к происходящему. Если мне не удастся наладить с Вами диалог, я буду считать свою миссию невыполнимой. В оправдание своего провала мне придется доложить, что функциональные изменения деятельности мозга, в результате электрошоков и медикаментозных блокад, не обратимы. И вернуть Вас к нормальной жизнедеятельности невозможно. – Она резко подошла к Дмитрию и, наклонившись вплотную, решительно вглядываясь в помутневшие глаза, убедительным тоном пояснила: – А во избежание раскрытия обмана, я буду вынуждена превратить тебя в идиота, в слабоумного кретина, не способного членораздельно говорить. Ты будешь мочиться под себя, и, не понимая ограничительных различий, пожирать собственные экскременты. Тебя отправят в захудалую психушку, где ты сдохнешь, гния в нечистотах.

Заметив что Дмитрий задыхаясь судорожно хватая ртом воздух, позвала санитаров и те, развязав сердешного, подхватив под руки, отволокли в палату. День понадобился отойти от последствий укола. Как только силы к нему вернулись, он вышел в коридор, пытаясь хоть немного развеяться и найти правильное решение. Все что сказала эта стерва, он воспринял серьезно. С родственниками прекратил общение уже давно. Семьи и близких людей, по существу, не было, и с этой стороны ждать помощи не имело смысла. Закончить жизнь по рецепту

доктора жутко не хотелось. «Значит, необходимо узнать альтернативу!» – почему-то вслух произнес Дмитрий, и тут же к нему подлетел невысокий мужичок в больничной пижаме. Скорчив гримасу, и приглаживая всклокоченные волосы, радостно представился:

– Вася. Под этим именем зафиксирован в данном заведении. С сегодняшнего дня определен в Вашу палату. – Заметив удивление, схватил за рукав, и, настойчиво дергая, подвел к окну. – Вы, Дмитрий, не удивляйтесь. За нами наблюдают. Тут везде камеры. А я вовсе не Вася, а Фрол. Мы были с Вами знакомы, правда, в другом плане существования. Скорее всего, Вы не помните, но это не столь важно. Главная моя задача, потрясти Ваше воображение сейчас, чтобы в будущем Вы меня не забыли. А Васю приставили за Вами шпионить, очень Вы персона важная.

Дмитрий попытался освободиться от дурака, вырвав руку из цепкого захвата. Но Вася-Фрол вновь залопотал, находясь в плену бреда:

– Дмитрий, подумай, ведь происходящее не твоя жизнь! Если она приносит тебе столько несчастья. Ты не произвольно вытолкнул истинного хозяина, в небытие или, того хуже, уничтожил своим присутствием. Все испытания в твоей жизни предназначены другому и скорей всего он адаптирован к ним, и способен принять правильное решение. Дмитрий опешил от такого напора, с интересом поглядывая на суетливого Васю. Решив все же уйти, попытался воспользоваться банальным предлогом:

– Хорошо, хорошо, успокойся! Я пойду, у меня голова от таблеток болит.

Собеседник замер и, почесав за ухом, громко заявил:

– Голова не жопа, завяжи и лежи. – Затем, спохватившись, извинился: – Это не я, это Вася. – Окончательно запутавшись, кто изрек подобный перл, плюнул, и пошел по коридору.

Дмитрий, поглядывая в след странному доброходу, заметил санитаря, стоящего неподалеку. Подойдя, поинтересовался Васей-Фролом. Тот засмеялся:

– Веселый пациент, пыхтелка! Тронулся умом. Раскатывает кусочки черного хлеба до состояния пластилина и ходит по улицам, предлагая прохожим покурить дури. Заинтересовавшимся лицам показывает солидный кусок, похожий на гашиш. Как не странно, всегда находились желающие. Пыхтелка не понимая разницы, частенько предлагал услуги и работникам милиции, за что неоднократно задерживался. Но, со временем заметив, что число желающих раскумариться растет, а жалоб на качество товара не поступает, решили изолировать психа. – Санитар, похлопав Дмитрия по плечу, весело спросил: – Ну, что?! Покурил черняшки! Ничего, здоровее будешь.

И все же, что-то было в словах безумного пыхтелки. Они беспокоили Дмитрия. Если допустить, что он занял чужое место в жизни, то истинным хозяином, несомненно, являлся Юрка, сын Наума. Воспоминания накатили, подмяв Дмитрия. Отношения у Юрки с отцом не складывались. Он вел веселую, беззаботную жизнь, решив для себя, что отец обязан финансировать его причуды. Все чаще и чаще между ними вспыхивали конфликты. Дмитрий, выступая буфером, пытался погасить пламя обоюдной неприязни. В конце концов, Наум купил сыну квартиру и, выделив ежемесячную ренту, разрешил таким образом ситуацию. Юрку подобные отношения вполне удовлетворяли, и, предоставленный сам себе пустился во все тяжкие. Дмитрий все чаще встречал его пьяным, или под кайфом. А затем, произошло трагическое несчастье. Дмитрий был на сборах в другом городе, готовясь к кубку Европы. Когда вернулся, Наум сообщил, что Юрка повесился, якобы от неразделенной любви. Они вместе по праздникам посещали кладбище, но внешне Наум особо не переживал, да и Дмитрий трагедию воспринял как-то буднично. Только сейчас захотелось разобраться в происшествии. Но серьезность собственного положения, доминируя, заставила отмахнуться от ненужных воспоминаний. Необходимо было сконцентрировать все внимание на собственной судьбе. По неизвестной причине, ему позволили, за прошедшие полгода, обрести ясное сознание и он отчетливо понял, что может быть испытывает последний проблеск, или того хуже, последние дни разумной

жизни. И как озарение, возникло решение – лучше умереть, чем прибывать при жизни в скотском, не контролируемом, страшном бреде. Он стремительно подошел к закрепленной на стене камере, и, не сомневаясь в том, что его слышат, громко произнес:

– Ольга Викторовна! Я готов с Вами сотрудничать. – И, с облегчением, словно свалив непосильную ношу, направился к себе в палату.

В комнате его радостно встретил Вася-Фрол, предложив по поводу новоселья раскумариться, продемонстрировав две сигареты и внушительный кусочек, какой-то черной массы, ласково названной Васей «крапалик». Дмитрий попытавшись избежать процедуру курения черного хлеба, обречено заявил:

– С превеликим удовольствием. Но одна беда – меня не цепляет.

Но Вася, неоднократно встречаясь с подобной формулировкой, с увлечением принялся убеждать:

– Дорогой Вы мой человек! Это иллюзия, что план не цепляет. Если на самом деле было так, то конопля выростала бы с клен. А так ей, выше пупка подрасти не дают, – И весело засмеявшись, заколотил руками по коленям. Но через минуту, резко оборвав смех, серьезно поинтересовался: – Гражданин, Вы случайно не в курсе, почему меня иногда каким-то Фролом называют.

– Потому что с головой не дружишь! – с раздражением пояснил Дмитрий.

– Ах да! Запомню, в каком заведении нахожусь. – Тут же согласился Вася. – Значит, слушай сюда, горемычный! – принялся за прежнее увещание новоявленный сосед. – Был у нас случай, пригласили меня в одну одиозную компанию, думаю богема, не ниже. Ну, состав уважаемый, в основном люди искусства, киношники. Сидим в комнате, как водится, двинули парочку косячков, а качество отменное, чума! Все плавают в кайфе, разговор ни о чем, с улыбочкой. Хозяину перед вечеринкой сантехник унитаза починил, тот его, с дури, пригласил в коллектив отметить. Парень молодой, здоровый бычара. Интеллект, соответственно, на уровне ЖЭКа. Он с лету цепанул косяк от начала до конца, убил в три затяжки, и заявляет что его типа, кайф не цепляет. Ему тут же водки стакан. Он принял и затих. А нас по каскадерным делам поволокло. Каждый какой-нибудь трюк рассказывает, и знаешь, по теме, в жилу. И вдруг встает долдон сантехник молча выходит на центр комнаты, подождал пока все затихли, и, так уверенно, заявляет: «Вы когда-нибудь видели, как падают настоящие каскадеры?», и, не ожидая ответа, прижимает лапы к телу и, не сгибаясь, штангой, об пол. Поверишь, нас кровью обрызгало. Девки в крик, мужики в шоке, а бычара лежит пластом без сознания. А ты говоришь, не цепляет! – и опять, неожиданно разразился неистовым хохотом.

– Да, Вася. Богатая у тебя биография! – похвалил рассказчика Дмитрий.

Тот неожиданно замолчал и, удивленно посмотрев по сторонам, с жаром зашептал:

– Я Фрол. Мне с безумным Васей справляться сложно. Ты Дмитрий запомни, я был здесь с тобой. У тебя сейчас состояние, как похмельный синдром. Это проекция нереализованного движения. Постарайся не противиться ходу событий.

– Дмитрий поморщился от раздражения:

– Фрол! Ты совсем плохой! Сидел бы там где-нибудь в темном уголке, пусть за тебя Вася говорит. С ним куда веселее. – И, с сожалением добавил: – Вот вам, дуракам с раздвоенной психикой, совсем тяжело.

Утром за Дмитрием пришли. В сопровождении двух крупных санитаров проводили в знакомый кабинет, усадив в кресло, опутали проводами и датчиками. Вошла Ольга Викторовна, горделиво поглядывая на притихшего пациента. Выдержав паузу, встряхнула головой, разметав великолепные волосы по плечам:

– Вижу, разумное начало восторжествовало. Так что Вы хотели мне сообщить?

Дмитрий любуясь величавой женщиной, на секунду забыл, где находится, очарованный образом совершенного создания.

– Поверить не могу, что красота может быть палачом!

– Давайте оставим лирику. – Не сдержав улыбку, заметила Ольга. – Хотя, в основе многих несчастий, лежит красота. Но это отступление. Если можно, поговорим по существу. Чтобы облегчить Вашу задачу, изложу свою позицию. На основании Ваших сведений, мне предстоит решить, является изложенное правдой или ложью. В случае положительного решения, в Вашей судьбе могут произойти кардинальные изменения. Отрицательный результат автоматически превращает Вас навеки в идиота. Как это делают, Вы уже знаете. Выбор за Вами.

– Я все обдумал. – Отозвался Дмитрий. – Только после всего, услышанного принимая решение, помните, ответственность за последствия ложатся на Ваши плечи. Надеюсь материллом Вы владеете, и не надо рассказывать предысторию.

– Да. – Согласилась Ольга Викторовна. – Мы в курсе известных событий Вашей биографии. Но ничего не знаем о тайном. Утверждение заказчиков, что Вы являетесь величайшим убийцей современности. Лично мне кажется фантазией. Нам предоставили справки из компетентных органов там о Вас не имеют представления. По официальным данным Вы весьма добропорядочный гражданин. Я вынуждена признать, что удивлена суровыми мерами в отношении Вашей персоны.

– Спасибо. – Искренне поблагодарил Дмитрий. – Но, в отличие от Вас, доктор те, кто затеял эту бадягу, знали что делают. Перед самой смертью Наума я стал догадываться, что не только он участвует в моей судьбе. А после кончины Наума правильно сделали, что меня изолировали. По крайней мере, я поступил бы подобным образом.

– Давайте попробуем разобраться. – Располагаясь за столом, остановила Дмитрия Ольга. – Повторяю, моя задача отделить правду от лжи. О чем идет речь, меня в известность не поставили. Я предлагаю Вам озвучивать конкретные факты, которые, как Вы считаете, интересуют моих заказчиков. Договорились?

– Хорошо. – Согласился Дмитрий. Помолчав, вздохнул, и заговорил: – Первый раз убить, мне захотелось, слушая исповедь грибника. Он упивался своей изобретательностью, временами сожалея о допущенной ошибке. Наум был мастер разводки. Он заставлял преступников в красках описывать злодеяние. Тщеславный урод, полностью доверял своему адвокату, и, не имея возможности с кем-нибудь поделиться, выплеснул на него содеянное. До этого, я неоднократно слышал излияния душегубов, с более кровавыми подробностями. Но почему именно тщедушный человечиска своим признанием взорвал мои морально-нравственные устои, не знаю. Может, суммировались все негативные послы вызвав душевный кризис, или просто пришло время. Но сидя за книжным шкафом, и слушая писклявый голос, твердо решил – в классе хищников, существующих за счет чужих жизней, я поборюсь за царство. Моими жертвами станут они, опасные и коварные. У меня не было никаких внутренних сомнений. В одночасье я стал одним из них. Наверное, лев точно так же убивает антилопу, не сожалея о страданиях. После ухода ретивого отравителя, я взял его дело и углубился в изучение. Обладая сведениями о жертве, мне не составило труда следить за ним. Подготовка продолжалась три месяца. Я установил все маршруты, привычки грибника. Обложился книгами специального назначения. Мое решение подвигло меня на выбор профессии. Я заявил Науму, что хочу учиться на медика. И он, не обсуждая, одобрил мое решение, и за три дня устроил в медучилище. С первой жертвой, скорее всего, повезло. Он упивался содеянным, пожиная плоды преступления. Захаживал в казино, покупал проституток, особенно его тянуло на тусовки. Скорее всего, он чувствовал некоторое родство с постоянными участниками дурных празднеств, так крысы из одной стаи жмутся друг к другу. Он мог часами проводить на презентациях пива или юбилеях журналов и радиостанций. Мне даже доставляло удовольствие, стоя рядом, наблюдать за поведением объекта. Особенно повезло с квартирой, где обитал упырь. Она находилась на девятом этаже четырнадцати этажной башни, балконом, почти вплотную, выходя к площадке пожарной лестницы. Необходимо было преодолеть всего каких-то два метра, чтобы про-

никнуть в его логово. Я сразу понял, что трюк можно сделать, зацепившись стальным крюком за ферму перекрытия. После решения, окончательный план уничтожения созрел. Мне надо было дождаться, когда отравитель покинет лежбище, попасть туда, и действовать. Но осуществить задуманное хотелось в момент торжества душегуба, когда он выиграет суд, в чем я несколько не сомневался. Для полного счастья оказалось убивец не оставил своей пагубной привычки, собирать грибы. Воистину любил лесной продукт. Мне пришлось внимательно изучить литературу об уникальных созданиях. Оказалось, что в руках опытного знатока, грибы являются смертельным оружием. И вот суд состоялся. Наум блестяще выиграл процесс. Вечером, торжествующий душегуб, привез премиальную часть гонорара и, счастливый в своей безнаказанности, даже порывался поцеловать Наума. Закрытая после его ухода дверь, явилась сигналом к действию. Все было давно готово. Выжимка из ядовитых грибов под кодовым названием «Коктейль грибника», стальной прут длиной в полтора метра с крюком на одном конце и петлей на другом, а главное, день охоты совпал с праздником одной крупной радиостанции. Толкучка по этому поводу намечалась в Лужниках с обильным употреблением алкоголя. Я был полностью уверен, упырь не упустит возможности побывать на тусовке. Прихватив все необходимое, без спешки прибыл к месту действия. Подождал, когда уродец, что-то напевая, отбыл на гулянье, поднялся на девятый этаж. Выйдя на балкон пожарной лестницы, крюком зацепился за металлическую балку и, подтянувшись, на секунду завис на смертельной высоте, слушая как сверху, и снизу обсуждают свои домашние дела соседи. Мне даже доставило удовольствие, закрыв глаза, висеть в пустоте, наслаждаясь адреналиновым возбуждением. Но дело, прежде всего. Перемахнув через перила, вошел в незапертую балконную дверь, и, оказавшись в квартире, прошел на кухню. Обнаружив в холодильнике кастрюлю с грибным супом, лишний раз убедился, что с первой жертвой мне везет. Тем же маршрутом покинул место преступления, и уже через час был дома. По прошествию трех дней, Наум, как бы, между прочим, за завтраком, небрежно обронил, что недавний клиент скоропостижно скончался, отравившись грибами, и назидательно предупредил, что любая страсть, пагубна изначально. Но мне это было уже не интересно.

Дмитрий замолчал, внимательно поглядывая на Ольгу Викторовну.

– Хорошо. – Первой отреагировала на паузу врач. – Приборы показывают, Вы не лжете. – Затем, впервые явно смущаясь спросила: – А сколько их всего было?

Дмитрий улыбнулся:

– После сотни, счет сбился. Но думаю, около двухсот.

Ручка выпала из рук врача и, подскочив на столе, упала на пол. Ольга, неловко наклонившись, ударила головой о край стола и, от неожиданности ойкнув, рукой стала тереть ушибленное место. Дмитрий, сострадав, пожалел:

– Не очень больно?

Врач, на секунду потеряв самообладание, в сердцах выпалила:

– Стольких на тот свет отправили! Хотя бы не юродствуйте.

Дмитрий, как не странно, не обиделся, напротив, даже улыбнулся:

– Я уничтожил только себе подобных. И был первым среди равных.

– А не боялись ошибиться?

– Нет. Перед Вами именно тот случай, когда преступники сами признавались в содеянном. И в основе моего решения, не стояла месть. Я просто не терпел соперничества.

– Но это ужасно! Для Вас доминирующим в совершении убийства, являлось тщеславие.

Дмитрий даже удивился:

– А что в этом плохого? Вот Вы, царь-женщина, и в любой компании, почувствовав соперницу, любым путем готовы утвердиться в превосходстве. И в Вашем случае критерием победы является внимание мужчины. Признайтесь, сколько раз, просто из тщеславия, Вы доводили пары до разрыва, скандалом утверждая свое величие, а добившись результата, бросали объект,

теряя к нему всякий интерес. Среди моих «клиентов» в основе победы лежала смерть. Мне первому была дана возможность состязаться в очном поединке.

– Хорошо. – Подумав, согласилась Ольга Викторовна. – Мне необходимо время проанализировать полученную информацию. Впрочем, не буду скрывать, я обязана доложить результаты. Так что отдохайте пару дней.

Дмитрия проводили в палату. Оставшись один, он почувствовал себя легко и беззаботно. Наверное, принятое решение, освободило от сомнений. Но недолгому счастью помешало появление Васи-Фрола. Заглянув в палату, и обнаружив там вернувшегося соседа, тот радостно заулыбался и полез целоваться.

– Брателло, живой! Вовремя тебя подогнали! – Он выглянул в коридор, проверяя, что никто не слышит. Понизив голос, предложил: – Есть шанс, измену подловить колесами.

Дмитрий, не понимая о чем речь, переспросил:

– Какие колеса в дурке?

Вася подсел рядом и, заломив руки, затараторил:

– Поясню. Мной проведена огромная работа с местным контингентом. Путем хитроумных комбинаций, удалось выяснить, какому бедолаге, какие медикаменты назначены. Проще говоря, адресная работа с клиентом предполагает бартер.

Дмитрий, уже немного утомленный бурным фонтаном глупости, решил просто отмахнуться:

– Ты, Вася, намного лучше второй своей половины по имени Фрол, и нравишься мне больше. Но место накладывает свой отпечаток. Слоится у тебя в голове, явно слоится! Какой бартер?

Вася, теряя терпение, аж подпрыгнул на месте:

– Да все просто! Сейчас таблетки раздавать будут. Тебе, в неограниченном количестве, витамины есть позволено. Я с ущербными, кому горькие пилюли глотать приходится, договорился поменяться на сладенькие и кисленькие. А мы с тобой составим коктейльчик, глотнем, и сорвем башню добытым ураганом.

И так Дмитрию захотелось нырнуть в бредовую аферу, что тут же пошел в процедурную палату, и затребовал дневной рацион положенных ему витаминов. Бесценный груз был передан Васе и тот, мухой, кинулся исполнять задуманное. Обмен происходил мгновенно. Сказывалась кропотливая предварительная работа. Вскоре добытый трофей был доставлен в палату. Разложив таблетки на одеяле горками по цвету, Вася принялся творить, комментируя свое искусство. Он был профи по определению наркотических свойств в окружающей среде. Вступительными словами: «Заторчать можно даже от металлического лома, если знать, как им пользоваться», он начал свою лекцию:

– На сегодняшний день мы имеем: нуксирон, паркопан, демидрол и циклодол, исходный материал предлагает нам не богатые варианты возможностей. Есть шанс вырубиться и полетать или альтернатива, летать вырубленным. Выбор за Вами, товарищ! – обратился доморощенный фармацевт к сидящему Дмитрию. Тот, находясь в сомнениях пытался рассуждать, приводя доводы «за» и «против»:

– Ну, сожрем мы эту гадость. Хуже не будет. Здесь и не такой отравой пичкали. Хотя, если подумать, организм уже адаптировался к подобным веществам, какой смысл травиться еще раз, все равно не вставит.

Вася, молча слушая умные поучения, не прекращал составлять комбинацию из таблеток по цвету и свойствам. Закончив приготовления, восхищенно посмотрел на две равные горочки, и удовлетворенно констатировал:

– Смею не согласиться с Вами по поводу сомнений о возможностях химических элементов. Но в одном Вы правы, по силе духа человеку нет равных в поднебесной. И в этом кроется, иной раз, несоответствие его восприятия. Определяя неведомое как враждебное, человек

мобилизует свой организм к активной обороне, не позволяя действовать ни алкоголю, ни наркотикам. А вот с атаса, когда не ждет он подвоха, с кефира балдеет. Вот Вам пример, мы как-то раз, с бадуна глаза открыть не могли, дышали с трудом. Послали соседку, бабку полуслепую, за пивом, пообещав вознаграждение. Приволокла она с десятков бутылок. Похмелились и ожили, запрыгали, засмеялись, а когда все ушли, обнаружили мы с хозяином, что поправляли здоровье безалкогольным пивом, закупленным бабкой. Парадокс, а действует! Значит и яд, и противоядие у нас в башке, а не снаружи. Показателен случай, произошедший не так давно со мной и моим другом Серегой. Были мы на точке в компании озорных девчонок, провели бессонную ночь. Под утро, возвращаясь домой, решили снять усталость, забив косяк толщиной с большой палец. Смастерили конструкцию, а взорвать решили в такси, по дороге в родные пенаты. Ловим машину, останавливается желтенькая волга, за рулем мужик, мордастый, матерый бык, и что интересно, с фуражкой таксиста на колокольне. Ну, садимся, и в вежливой форме просим за дополнительное вознаграждение разрешить нам дунуть на заднем сидении. Тот: «Без базара!» и по газам. И едем мы по Москве в воскресенье, день солнечный, машин мало, красота. Мы закурили, а молотобоец вдруг заявляет: «Вот сколько лет вожу таких как вы, ну какой кайф в папироске? Пробовал пару раз. Ну, „Беломор“, как „Беломор“. Что вы веселитесь, как чукчи в Сочи?! Лучше, как мужики, выпейте по пузырью водки, отдохните душой и телом». При этом поворачивается к Сереге, цап у него изо рта штaketину, отгрыз мундштук, сидит курит. Мы обомлели. А он разглагольствует: «Что вы нашли в поганой траве? Вот водка, продукт полезный, организму необходимый». А сам, так, между прочим, в четыре затяжки уложил наш косячок и выбросил бычок в окно. Мы обалдевшие, слово сказать от возмущения не можем, а впереди, метров триста, стоит троллейбус на остановке. Вдруг бычара прерывает нравоучение, и серьезно заявляет: «Интересно, что будет, если я ему сейчас в жопу врежусь?». Припал к рулю и по газам. Мы от ужаса вжались в сиденье, а Гастелло со всего лету, как дал, аж стекла полопались. Что тут началось! Этот баран вылез, глазами лупит, не поймет что происходит. Водила из троллейбуса с монтировкой бежит, пассажиры высыпали, гвалт, шум! Мы тихонечко в панике выползли и деру. Вот тебе результат. Пока живоглот ждал прихода, его не было. А как только уверился в своей силе, приход и накрыл.

Дмитрий, с интересом прослушав лекцию о жизни наркоманов, неожиданно согласился с Васей и, приняв протянутую горсть химикатов, проглотил, запив водой. Через некоторое время лицо Васи изменилось, обретя совершенно незнакомые черты. Дмитрий, оглядевшись вокруг, заметил, что временами стал пропадать цвет, и он видит мир в черно-белом изображении. Вскоре и со звуком стало твориться невообразимое. Он временами исчезал или менял скорость. Люди говорили медленно или тараторили, как пулемет. Затем он просто провалился. Вот так шел, и упал в бездонную пропасть. И паря в крошечной тишине, знал, что никогда не достигнет дна. Временами приходил в себя, куда-то шел, что-то ел, сознание фиксировало все мельком. Затем опять падал в бездну, и летел к вечности, ощущая тошноту и горечь. Очнулся не понимая сколько прошло времени. В палате никого не было, и стояла мертвая тишина. Затем вошел Вася и, словно рыба в аквариуме, открывая рот, беззвучно, что-то пытался сказать. Дмитрий потряс головой, и звук, словно сквозь вату, еле-еле стал слышен. Ему приходилось напрягаться, чтобы понять смысл сказанного. На этот раз Вася был Фролом, и с упорством пытался достучаться до сознания Дмитрия.

– Не стоит проводить подобные эксперименты. Тебя глушили такими дозами химикатов, что внутри произошли необратимые процессы. Организм может неадекватно отреагировать на подобные вторжения. Ты запросто можешь умереть.

Дмитрий, еще не совсем понимая о чем идет речь, болезненно поморщился.

– Мне кажется, я уже умер. Вся сознательную жизнь имею дело с живыми мертвецами. Каждый, так или иначе, убивает себя или окружающих. Мне Фрол подобное прекрасно известно. Особенно, если учесть, что последние десять лет пришлось проработать в морге

санитаром. Там последствия деятельности человека освещались заключением патологоанатома.

На этом общение было прервано появлением двух санитаров, которые настойчиво попросили Дмитрия проследовать к врачу. Ольга Викторовна встретила пациента сурово, даже не улыбнулась на восторженное: «Здрасьте!». Дмитрия, как всегда, привязали проводами к креслу и подключили к приборам. Доктор что-то отметила в журнале и, не скрывая раздражения, сразу преступила к делу.

– Все, что Вы сказали, было проверено, и оказалось правдой. По крайней мере, сходятся все детали, что не бывает в случае навязчивого бреда. Мне даже подумать страшно, что Вы сможете выйти отсюда. Но, похоже, Вами заинтересовались очень влиятельные люди. Хотя, если честно, будь моя воля, я бы передала Вас компетентным органам. – Ольга Викторовна встала из-за стола и вплотную подошла к Дмитрию. Поправив руками волосы, неотразимо красивая, застыла с ожесточением вглядываясь в его лицо. А он по-дурацки улыбался, не в силах сдержать себя или хотя бы понять серьезность момента.

– Хорошо. Приступим к работе. – Холодно приказала доктор. – Мне дали справку о Вашей трудовой деятельности. Можно поинтересоваться, почему такой необычный выбор профессии.

Дмитрий от души засмеялся:

– Самая идеальная профориентация! Я до сих пор уверен, что лучшими убийцами в мире могут быть только судмедэксперты. Это были мои университеты. Я узнавал все о ликах смерти. Более того, мне показывали процесс в картинках. Когда, через год учебы в мед училище, я заявил Науму о своем желании работать в морге, он даже не удивился. Обладая обширными знакомствами, ему не составило труда устроить меня в подобное заведение. Мы продолжили играть в придуманную Наумом игру. Моя ошибка в том, что я до последнего дня думал, нас только двое. Теперь понимаю, заблуждался. Так что мой выбор, как нельзя лучше, соответствовал обстоятельствам. Плюс ко всему я чувствовал, рано или поздно придется вплотную столкнуться с жертвой. Ведь не всегда возможно действовать на расстоянии, и к встрече надо быть готовым.

– Убедительно. – Согласилась Ольга Викторовна. – Тогда приступим ко второй жертве.

– Да Вы что?! – возмутился Дмитрий. – Я не выдумывал, говоря, что их сотни. Прошло больше десяти лет. У меня сформировалась выборная память на профессию. Это как у проститутки, она помнит первого и последнего, а также особо выдающихся клиентов. Давайте буду говорить о том, что помню.

Ольга Викторовна побледнела, внимательно смотря на приборы:

– У Вас моя просьба вызвала учащение пульса и ускорение сердцебиения. А при повествовании об убийстве, стрелки даже не шелохнулись. Вы страшный человек, Дмитрий. Говорите все, что посчитаете нужным.

– Вот сбили меня. Теперь надо напрягаться. – Задумался пациент, никак не отреагировав на реплику врача. – После первого, по-моему, был лихой водитель. Он специально задавил соседку из-за комнаты в коммуналке. Дождался, когда она в изрядном подпитии после именин переходила дорогу в неположенном месте, и нету старушки. Наум его оправдал. Хитрован отделался лишением прав на два года. С каким ликованием водила смаковал победу, особо наслаждаясь результатами преступления. Комнату усопшей, за незначительную взятку, присоединил к себе, и квартиру продал за баснословные деньги. С ним проблем не было. Жадный хомяк, в багажнике своей новенькой машины, возил канистры с бензином. Оставалось только вычислить, когда он ночью уезжает с дачи в город. Затем разбить задний фонарь. Открыть бензобак, открутить лампочки стоп сигнала и, выдернув плату с проводами, засунуть в горловину. О случившемся «несчастье» опять сообщил Наум. Так, между прочим. Правда добавив: «В руках неопытного автолюбителя, машина – смертельное оружие». Далее пошла

череда душегубов. Я набирался опыта и профессионализма, стремясь, по возможности, отвечать тем же оружием, с помощью которого они добивались своей цели. И главное никогда не спешил. Мне даже доставляло удовольствие предварительная подготовка, с маскировкой и слежками. В моем распоряжении были все детали жизни клиента, вплоть до мелких слабостей и привычек. Наум являлся виртуозом своего дела, заставляя в подробностях описывать нужные детали. Затем мы вместе с ним составляли психологический портрет, проецируя возможное поведение клиента в тех или иных ситуациях. Все было просто. Но года через три мне пришлось столкнуться с достойным противником. Я почувствовал озноб сразу, как только он вошел в кабинет. Клиент был волк-убийца, доведший инстинкты и чувство самосохранения до совершенства. Первым делом живоглот подошел к книжному шкафу, прислушиваясь и поглаживая препятствие, за которым явно чувствовал опасность. Мне впервые пришлось затаиться, испытав страх от присутствия рядом смертельного соперника. Сквозь прозрачное с моей стороны зеркало, я видел перед собой кряжистого, чуть сгорбленного мужчину лет сорока, с подвижными, неестественно огромными руками. Особенно глаза, застывшие, напряженные, со змеиным взглядом, готовым сломить волю жертвы. Даже Наум лишился своего привычного хладнокровия. Он закашлялся, произнося свою дежурную фразу: «Прежде, чем я начну Вас защищать, мне необходимо знать правду». Именно невинная фраза рассмешила грозного гостя. Он отошел от шкафа, переключив внимание на адвоката. По делу выходило его задержали не далеко от места преступления, опираясь на приметы очевидцев. Он и не отрицал, что выходил из дома, где произошло убийство, но оправдывал случившееся ошибкой адреса. Были еще незначительные косвенные улики, но фундаментальной доказательной базы у следствия не существовало, что позволило обвиняемому выйти под подписку. Даже мне было ясно, что это стопроцентно выигранное дело. Тем не менее, Наум расколол клиента на откровенность. Выходило, уже долгие годы этот документально заверенный благополучный гражданин, в свободное от работы время, режет людей без зазрения совести. Когда его подпирало, он находил одинокого алконавта, покупал спиртное и предлагал выпить. А далее, в разгар застолья, зверски убивал хозяина, удовлетворяя свою кровавую похоть. Насытившись чудовищным развлечением, поджигал квартиру вместе с трупом, скрывая следы преступления. Сколько жертв на его счету не помнил, да и неважно. Каждый раз он просто удовлетворял свою потребность в охоте. Мы были с ним похожи. Только убивец промышлял среди овец заблудших, а я выслеживал ему подобных. Наум терпеливо вытягивал из злодея подробности, пытаюсь нащупать жизненный ритм. Но душегуб был странный субъект. Он ненавидел людей, объявив миру войну. Жил среди врагов, готовый к бою. Я заметил это сразу, как только начал за ним следить. Он даже передвигался по улице как-то странно, на полусогнутых, подавшись вперед, в любую минуту ожидая нападения. Руки не на секунду, не прекращали движения, словно щупальца у осьминога. Жил живодер на последнем этаже в мансарде. Свою квартиру превратил в бункер, перегородив переход с лестничной клетки в коридор, решеткой. Около двух месяцев я не мог подобраться к нему близко. Временами мне казалось, что застать урода врасплох не возможно. Уже прошел суд с оправдательным приговором, и он явно готовился к очередной охоте. Неприметно одевшись, небритый, он терся возле дешевых пивных, заводя знакомства с потерянными людьми, угощая их водкой. Вот-вот мог наступить роковой миг, когда еще один страдалец будет отправлен в мир иной. Отчаяние торопило меня, подталкивая к решительным действиям. Оборудовав на чердаке засаду, я часами наблюдал за окнами его квартиры в бинокль. И одна педантичная привычка все-таки дала мне шанс на успех. Приходя домой, на лестничной клетке, перед решеткой, он всегда снимал ботинки, и босиком подходил к двери. Именно эту деталь я использовал в своем плане. Десятки раз наблюдая ритуал заметил неизменную последовательность действий. Сначала он снимал ботинки, затем, правой рукой, брался за прутья, левой включал освещение, и только после открывал дверь. Этим я и воспользовался. За два часа до его появления поднялся к нему на этаж, и, отсоединив провода от лампочки, прикру-

тил к решетке. Коврик перед дверью обильно смочил водой. Сам, в резиновых сапогах и в перчатках, затаился справа от решетки в нише чердачной лестницы, сжимая в руке кусок трубы перемотанный изоляционной лентой. Была поздняя осень, темнело рано. Забившись в углу, в крошечной темноте, слышал, как возвращаются люди с работы, поднимаясь в свои квартиры. Страх мелкой дрожью колотился внутри. Еще ни разу не приходилось мне вступать в очный поединок. Когда услышал осторожные шаги, напрягся, пугаясь биения собственного сердца. Темным силуэтом противник возник на лестничной клетке. Замер, настороженно прислушиваясь и с жадностью втягивая воздух. Мне казалось, он чувствует мое присутствие. А когда злыдень наклонился, снимая ботинки, я даже расслабился от облегчения, что меня чуть не сгубило. В этот самый миг, он бросился в мою сторону, и нанес удар. Я почувствовал резкую боль в плече. В голове словно вспыхнули лампочки, и, со стоном, я упал на пол. Враг, не теряя времени, метнулся к решетке. Ударил снопом искр, с характерным звуком короткого замыкания. Его отбросило на перила, и, по инерции переворачиваясь, он полетел в лестничный проем. Преодолев расстояние шестого этажа, тело гулко ударилось о кафель пола, и все затихло. Дом погрузился в мертвую тишину. Несколько минут спустя, внизу заголосили, захлопали двери. Я, преодолевая тошноту, придерживая рукой рану, через чердак проник в соседний подъезд, спустился вниз, и, уже сидя в машине, разорвал майку и перевязал плечо. Первую медицинскую помощь мне оказали на работе. Оторвавшись от исследования очередного покойника, дежурный патологоанатом промыл и зашил мне рану, констатировав, что жизненно важные органы, не задеты, не задавая никаких вопросов. На следующий день, Наум заметив мою бледность, поинтересовался здоровьем, и, опять, между прочим, сообщил, что недавний клиент, в результате хулиганской выходки, трагически погиб. – Дмитрий прервался, ожидая реакции врача.

Ольга Викторовна, не скрывая своего ужаса и раздражения, громко выкрикнула:

– Вы точно такой же, как и он! Вы тоже зверь! Умный, опасный, расчетливый! Мне становится жутко, что Вас могут выпустить!

Дмитрий искренне рассмеялся:

– Вы, что, доктор, на самом деле такая наивная? Да Вас наняли убедиться, что я тот самый, неуловимый убийца. Для них подарок мое откровение. Следующим шагом мне предложат сотрудничество. Я больше всего уверен, что Вам рекомендовали ослабить режим в отношении меня, поощряя за откровенность. – Заметив, как Ольга Викторовна покраснела, захлопал в ладоши. – Меня вытащат отсюда! Таких спецов, единицы. – И, посуровев, добавил: – И все следующие жертвы получают автограф «О и В». В Вашу честь, доктор. И пусть совесть напоминает Вам об этом.

– Не смей! – Ольга Викторовна выскочила из-за стола. – Не позволю! Никогда!

– Дай то, Бог. – Тут же согласился Дмитрий. – Только если меня решат отпустить, прошу снотворным уколите, а то сплю последнее время плохо. – Поймав на себе внимательный взгляд врача, попросил: – А теперь распорядитесь в палату отвести, устал очень.

Из неоткуда появились санитары и проводили в основной корпус. Дмитрий в коридоре заметил Васю, стоявшего у окна с надеждой поглядывающего на свободу сквозь решетку:

– Мечтаешь о воле, каторжник?

– Да нет. Какая разница, в какой тюрьме обитать. Там, ограниченный обстоятельствами, здесь пространством.

– О, вижу ты сегодня Фрол. – Констатировал перевоплощение Дмитрий. – Хотя, если честно, с Васей веселее. Он не напрягает, а ты, грузишь сверх меры.

– Естественно. Ты в глупости забыться хочешь. Боишься даже задуматься о себе. Вломился в чужую жизнь. А понять, почему не можешь.

– А что делать? – Всерьез заинтересовался Дмитрий.

– Не привыкать к плохому. Не нравится, уходи. – Резко повернувшись, ответил Вася. И, тут же понизив голос, предупредил: – Атас! К тебе врачаха идет!

Дмитрий, улыбнувшись, пошел на встречу к Ольге Викторовне. Она не пыталась даже скрыть тревоги. Вся возбужденная, с растрепанными волосами, подхватила Дмитрия под руку и заговорила:

– Вы оказались правы! Стоило мне связаться с заказчиком и передать материалы сегодняшней беседы, как поступило распоряжение перевести Вас. Но главное, документ подписан Министром.

Они зашли в комнату. Дмитрий сел на свою кровать, а Ольга Викторовна осталась стоять у двери, заложив руки за спину.

– Вы, совершенно вменяемый, и отдаете отчет во всем происходящем. Попробуйте успокоить меня, что не все так страшно. – Попросила доктор.

А Дмитрий, любуясь женщиной, сбросившей с себя образ сурового эскулапа, не в состоянии отвести взгляд от лица, словно в наваждении, повторял:

– Какая Вы красивая!

– Да прекратите Вы! – Окриком оборвала Ольга.

– Хорошо. – Согласился Дмитрий. – Все просто и ясно. На сегодняшний день я являюсь одним из лучших исполнителей устранения жертвы естественным образом. За весь стаж работы, по теме, у меня не было ни одного прокола. Я уникам. И мое признание трактуется, как добровольное согласие к сотрудничеству. – И, вскочив, Дмитрий сорвался на крик: – Мне предложат работу по специальности! Доктор, Вам ясно? И не факт, что мне придется устранять убийц и преступников. Наумы умерли, да здравствуют Нероны!

Эта вспышка гнева подействовала успокаивающе на Ольгу Викторовну. Она поправила волосы, и, примирительно, попросила:

– Не стоит нервничать. Завтра утром за Вами приедут. – И, уже выходя из комнаты, спросила: – Вам снотворное сделать, или передумали?

Дмитрий ухмыльнулся:

– Конечно, доктор! Очень мне спать хочется. Устал страшно.

До самого вечера он стоял у окна, наблюдая за бессмысленной сутолокой людей, веселой возней птиц на соседнем дереве, и за тучами, плывущими в своем вечном движении. Ложась в постель, Дмитрий с улыбкой слушал болтовню Васи о дневной выручке таблеток и их полезных свойствах при правильном применении. Затем в палату буднично вошла сестра и попросила Дмитрия лечь на живот. Со словами: «Вам доктор прописал снотворное», сделала укол. Дмитрий закрыл глаза и, чувствуя, как медленно стихают звуки, стал проваливаться в темноту, все быстрее и быстрее увеличивая скорость падения. Последней мыслью было понимание, что он умер, и дальше ничего не будет. Очнулся с глубоким вдохом. Открыв глаза, какое-то время лежал, вглядываясь в потолок переливающийся нежным светом.

– С прибытием! – Поздравил появившийся перед глазами Фрол. – Что-то ты мрачный.

– В таком кошмаре побывал! – Вылезая из ниши, заметил Дмитрий. – Да ты там присутствовал! Чего спрашиваешь? – Одеваясь, все допытывался у Фрола: – Все-таки это наркотик, или галлюцинагенная штука? Пока существовал виртуально, ничего о реальной жизни не помнил. Здесь, совершенно ясно, могу разделять реальность от фантазии. Скажи, сколько времени в забвении плавал?

Фрол, внимательно наблюдая за Дмитрием, пояснил:

– От начала прошло две недели.

Они, лабиринтами, вышли из пещеры, и попали в утренний лес. Еще туман стелился по траве, весело плескалась река, и ветерок, легкими порывами игрался с кронами деревьев. Дмитрий, раскинув руки, рухнул под березу и в иступлении закричал:

– Спасибо, Господи, жуткий кошмар мне только приснился! Ведь на самом деле я и месяца не прожил у Наума. Меня устроили в общежитие института физкультуры. Я достойно

выступал, отстаивая честь и славу Родины. Что там случилось с Наумом, понятия не имею. Так что все увиденное иллюзия. И никакой я не убийца. И никогда меня ножом не резали. Вот где у меня шрам? На, посмотри! – Дмитрий расстегнул рубаху и оголил плечо. Крик отчаяния разорвал тишину леса, вспугнув птиц. На плече красовался аккуратный рубец. Дмитрий поник, растеряно протягивая руки к Фролу. – Что же это? Как такое может быть?

– Давай-ка, прокатимся. – Предложил Фрол. И они, сев в лодку, поплыли к противоположному берегу. Здесь, расположившись на камне, Фрол настоял заняться рыбалкой, не обращая внимания на возражения Дмитрия. И только когда закинули снасти, принялся объяснять: – Я не знаю истинного назначения горы. Только с каждым погружением меняется твое миропонимание, а это влияет на тебя. Подумай только, пещера отголосок цивилизации, существовавшей задолго до нашей осознанной истории. Возможно, она и есть краеугольный камень человечества, и принцип действия надо искать не в механике и науке, а скорей в религиозных традициях. Буддизм, описывая продвижение человека к конечной точке существования, утверждает, что путем перерождения из жизни в жизнь необходимо очистить карму или свою сущность, утвердив закон космической справедливости. Только в этом случае исчезнет двойственность и, ты сможешь раствориться в беспредельном, познав создание и став созданием. Только столкнувшись с волшебной горой, понимаешь, что обрести истинное сознание, можно прожив сотни жизней за период существования на земле, и для этого не обязательно бесконечное число перерождений. Каждое мгновение в состоянии изменить жизнь кардинально. Достаточно обрести интуитивное восприятие, и ты полностью готов к трансформации, в награду получая вечность.

– Как это? – Удивился Дмитрий.

– Стоит поменять принцип осознания мира, и ты бессмертен.

– А для чего это нужно, Фрол?

– Мне кажется, мы столкнулись с единственным путем возврата к изначальной точке существования. По-моему, в корейской религии есть утверждение «Небо одно, земля одна и движутся они как единое тело». Конец бытия – возвращение к бесконечности. Начало и конец, одно и то же. Поэтому существует заданность параметров. Движение ограничено принципом противоположностей. Пребывая в материальной форме, ты обречен, испытывать страдания и неизбежную смерть. Только пробуждение души позволит обрести гармонию счастья и бессмертия. Весь секрет, как этого достигнуть.

– Фрол слишком сложно! Неужели не существует более простого метода?

– Вера! Но при всей кажущейся простоте путь еще трудней. Наверное достигнув предела понимания я смогу ответить тебе, но скорее всего те кто знают не говорят, те кто говорят, не знают. Поэтому найди ответ сам.

– Хорошо. – Полностью успокоившись, согласился Дмитрий. – А сейчас что делать?

– Съезди к лесникам, развейся, потом приезжай, продолжим обучение. – по совету Фрола.

Дмитрий, залез в лодку и вдоль берега, не спеша, поплыл к дебаркадеру. Оставшись один, никак не мог осмыслить произошедшие с ним перемены. Были очевидные переживания, словно в дурном сне. И, в тоже время, он точно знал хронологию событий с датами и адресами. Появились доселе неведомые профессиональные навыки, и что-то пока не совсем понятное, как проблеск, сродни предчувствию, только более ясное и последовательное. Дмитрий попытался определить для себя обретенное состояние и неожиданно сформулировал тревогу. Настоящее не может существовать без прошлого и будущего. Как свет без тьмы. Поэтому если хочешь узнать будущее, посмотри в прошлое. Настоящее является точкой, где информационные потоки будущего трансформируются в материальные формы прошлого. Если ты задумал ударить и ударил, реальные последствия в этот мир принесет удар, но важность имеет только замысел. Будущее наступает тенью. И, если обладаешь интуицией, понять и просчитать насто-

ящее не составляет труда. Дмитрий затряс головой, впервые ему приходилось сталкиваться с такими сложными объяснениями, и это напрягало невероятно.

– Вот угораздило вляпаться! – Громко прокричал мыслитель и эхо, подхватив, понесло по реке: Ляпаться, ляпаться... Что очень рассмешило Дмитрия, отпустив тиски внутреннего напряжения.

Причалив к дебаркадеру не стал подниматься по трапу, вместо этого предпочел позвать обитателей: «Саньч! Трифон!» Вскоре на зов откликнулись. К борту подошел Саньч, и, всмотревшись в незваного гостя, признал Дмитрия.

– О, кого мы видим! Ну, давай поднимайся, отшельник.

– А ты кого гуляешь? Вон, какой помятый. – Поинтересовался Дмитрий.

– Да, коммерсант один захал, иметь его в кочерыжку. Третий день на ушах стоит.

В подтверждения слов, на палубу выкатилась компания – толстый мужичок с крепким круглым пузом, мордатенький, с коротенькими ножками, ухватисто прижимал к себе двух розовощеких, сбитых, в теле девиц. Замыкал компанию Трифон, аккуратно неся ковш, явно наполненный огненной водой. Все были изрядно пьяненькие и давно веселые. Хозяин праздника, кружась, заголосил: «Мужик! Штрафную!» Девки подпевая, завывали: «Пей до дна!» Трифон поднес ковшик и, умоляющим голосом, попросил: «Лучше выпей. Он все равно не отста-нет». И Дмитрий, приняв посудину, совершенно уверенный, что противная жидкость чистая вода, мелкими глоточками осушил тару. Поступок вызвал восторг у присутствующих, особенно у толстопузика. Он, оставив барышень, подбежал к Дмитрию и, прихватив героя под локоток, потащил в кают-компанию, приговаривая: «Будем знакомы, меня зовут Вася. Восхищен поступком! Там же литр ядерной водки!» Дмитрий, попав в помещение, огляделся по сторонам. На столе также красовалась неистребимая бутылка с янтарной жидкостью. Дары леса, в изобилии, были представлены на пиршестве. Лучшие представители женского населения, под вечно модные слова Юры Шатунова «Белые розы», топтались в центре кают-компания. Заметив прибытие нового гостя, озорная девчушка с фигурой Винни-пуха, с визгом подлетела к нему и, уцепившись за руку, запрыгала словно мячик. Сраженный такой непосредственностью, Дмитрий, вымолвив: «Неужели», затопал вместе с ней. Вася, с визгом раскинув руки, коlobком вкатился в общество девушек, тиская и прижимая их к добротному телу. Дурачились, как могли, пытались совместить твист с присядкой, и вальс с чечеткой. Наконец утомившись, расположились за столом. На правах хозяина Саньч, подняв стакан, оглядел притихшую публику и произнес: «Выпьем за раба Божия Дмитрия, странника, поселившегося на берегах славного Михайловского озера. Ура!» Все дружно подхватили клич и, опрокинув изрядную дозу, полезли целоваться. Дмитрий, от чего-то засмутился. Отпихивая не в меру ретивых поклонниц, попросил: «Саньч, мне с тобой поговорить надо» и первым вышел из кают-компания. На корме дождался егеря и без проволочек приступил к делу.

– Саньч, я здесь пожить хочу. Позвоню в Москву, тебе будут перечислять деньги. У Медвежьей пади, там, где река впадает в озеро, если можно, дом срубить надо, ну и иной раз к тебе на огонек отогреться приезжать стану. Ты, соответственно, учитывай свой интерес в материальном измерении.

Саньч крякнул, выслушав пожелание.

– Ну, что ж, решим проблему! Только хочу предупредить тебя. Мне еще дед сказывал, многие уходили в Тайгу жить, да как в воду канули. Странные тут места. Сколь живу, а сам понять не могу. – Договорить ему не дал явившийся со всей честной компанией Вася. Разгулявшийся не на шутку, он куролесил на весь объем кошелька. Оглядевшись по сторонам пьяным взглядом, телепузик нагло заявил:

– Саньч, носи ружье, мы сейчас охотиться будем!

– Вот принесла нелегкая! – Чертыхнулся егерь. – Только жрет, размножается и гадит. Такая порода развелась, живут по принципу – «за свои деньги, если не куплю, так испорчу». Как уговорить пузоглота, не знаю.

Сочувствуя, Дмитрий хлопнул Саньча по плечу:

– Ладно, пора отбывать. – И уже спускаясь по трапу, крикнул новоявленному охотнику: – Вася, ты по аккуратней. Браконьеры подумают, ты по ним стреляешь, в обратку картечью ответят. Скольких похоронили, не счесть!

Гость мгновенно оценил опасность и тут же отменил желание, заявив:

– Не хочу охотиться! Ограничимся танцами и купанием голышом.

Дмитрий, засмеявшись, на прощание помахал рукой, и, запустив мотор, отправился обратно.

Фрола нашел за домом, в огороде. Тот, неспешно окучивал грядки, что-то напевая себе под нос. Заметив вернувшегося квартиранта, сочувственно поинтересовался:

– Ну, как?! Отошел от пережитого?

– Отпустило немного. – Согласился Дмитрий. – Только вот пока ехал, все думал, а люди, с кем я общался, существуют, или нет?

– Самое интересное, что улицы, телефоны, все реально, но события, в которых ты принимал участие, явлены только тебе. Я по началу сам не мог понять, как все происходит, и кинулся проверять, что случилось с другими участниками. Механика приблизительно такая, будто кто-то снимает кино, актеры играют эпизоды, не зная сценария. Затем монтируется и проецируется полная версия одному главному герою. Все заложено в тебе, просто на определенном этапе ты делаешь поворот не влево, а вправо, и попадаешь совершенно на чужую улицу, где нет твоего дома, и где тебя не ждут. Ты и есть обладатель бесконечного множества жизненных вариантов. Ты в одном лице царь, нищий, герой и дурак, до кучи! И кажется чтобы понять и обрести гармонию необходимо прожить сотни вариантов умирая и возрождаясь. Именно «гора мира» позволила гиперборейцам при жизни обретать просветленный Дух.

– А для чего? – Спросил Дмитрий.

– Поверь мне, это единственная цель, ради которой живет человек.

– Эх, убедил Фрол Плиний-младший! Согласен на новое погружение. – Дурачась, засмеялся Дмитрий.

– Что-то ты зачастил, парень. Не все так просто. – Предупредил Фрол. – Хотя с тобой перемены происходят необычно, и надо думать, по каким-то причинам, не зря. Давай, денька два отдохни, и приступим.

Ближайшую неделю они занимались домашними делами: рубили дрова, ходили по грибы и травы, о чудесных свойствах которых Фрол много рассказывал. Жизнь без радио, электричества и прочих удобств цивилизации, угнетающе действовала на Дмитрия, вечерами он пытался занять себя чем-нибудь, пытаясь избегать пауз, когда активный мозг бунтует и взрывается от кажущегося безделья. Затем нашел себя в воспоминаниях, пытаясь анализировать события двух прожитых жизней. Но мысль о том, что их может быть сотни, и в прошлом нет ценности, без уверенности в правильном выборе, сводила на нет все попытки. Он внимательно наблюдал за поведением Фрола, тот не докучал своим присутствием, а жил мгновениями, принимая их от начала до конца. Он мог, увидев парящего коршуна, застыть и десять минут с улыбкой любоваться красотой полета. Все происходящее вокруг, захватывало его полностью, словно он не видел мир, а сам источал свет, будучи миром. Со стороны он казался сумасшедшим, потому что в каждом своем движении, был естественен, не подражая никому, и не одевая маску. Вскоре осознанность окружающего захватила Дмитрия, погружая в необычное состояние. Он, часами сидя на берегу, наблюдал за игрой мелких рыбок в воде, ловя себя на том, что знает, в какую сторону метнется та или иная. Предчувствие, интуиция, предвидение, пока мгновениями посещали его, но это было великолепное ощущение. Он поднимал голову, ожи-

дая увидеть журавлей, и, замечая курлыкающий клин, испытывал величайшее наслаждение, словно создал сам миг счастья. Вскоре идиллия кончилась. Фрол позвал с собой, и вновь лабиринтами, они прошли в пещеру. Дмитрий, под руководством учителя приготовил нишу и, раздевшись, привычно занял место. Фрол, задвигая крышку, склонился над ним:

– Теперь попытайся уйти двадцатилетним. Помни, я буду рядом.

Дмитрий, вдыхая нахлынувший аромат мяты с кориандром, улыбнулся в предвкушении и громко заговорил:

– Я был кандидатом в сборную СССР по плаванию, когда меня забрали в армию. Распоряжением Министра обороны Гречко, персональным нарядом, был направлен в армейский клуб ЦСК ВМФ. Да еще так подло, чтобы подольше меня задержать, оформили моряком, на три года приписав к Краснознаменному Черноморскому флоту. Правда, все было на бумаге. Я остался в Москве, проведя всего один месяц, в первом флотском экипаже приняв присягу. А затем изнурительные тренировки и соревнования. Прошло два с половиной года. Служить мне оставалось совсем немного, когда меня вызвало руководство и поставило в известность. В Севастополе празднуют юбилей, круглую дату основания Черноморского флота. На празднике должны присутствовать члены Правительства, Министр. По случаю торжества намечался парад боевых кораблей и заплыв от места гибели революционного крейсера под командованием лейтенанта Шмидта до памятника, погибшим морякам. В марафоне принимали участие пловцы стран-участников Варшавского договора, но выиграть принципиально нужно русскому. Делать нечего, беру под козырек и на следующий день отбываю в город-герой Севастополь.

Дмитрий, словно шагнув в воспоминания, вышел на вокзале южного города. На такси добрался до Спорт-клуба и, разыскав начальника, доложил о прибытии. Тот, осмотрев гражданский костюм, побагровел от возмущения.

– Это что за вид?! Где форма? Распустили вас там в Москве! По документам Вы приписаны к бригаде подводных кораблей, срочно отбыть на место дислокации. Я распорядюсь, чтобы Вас экипировали. Завтра будете представлены Главнокомандующему Черноморского Флота адмиралу Горшкову. Вы понимаете важность задачи?

Дмитрий сообразил, что возражать опасно и, вспомнив как надо отвечать, рявкнул: «Так точно, товарищ командир!» Видимо до начальника дошло, что перед ним стоит сугубо штатский человек. Он почесал затылок и поинтересовался:

– В званиях хоть разбираться можешь?

– Да, если честно, не очень.

– Ох, попаду я с тобой в неприятность! – Запричитал капитан первого ранга. – Ну, хоть выиграть есть шанс?

– Смотря, кто поплывет. – Мудро заметил Дмитрий. – Месяц назад во Франции, марафон первым одолел. Но там было пятнадцать километров, а здесь три, совсем другое дело!

– Ну, ты, уж постарайся, сынок! – ласково попросил начальник.

– Отдам все силы за Родину. Только так, по другому не умею. – Заучено отбарабанил Дмитрий.

– Ну, ладно. – Успокоился военный. – Иди, утром за тобой прибудет машина.

Дмитрий, вместе с вестовым, посланным его сопровождать, прибыл на улицу матроса Кошки, в распоряжение бригады подводных кораблей. На контрольно-пропускном пункте их встретил дежурный офицер и проводил Дмитрия к командиру бригады. Пока ждали вызова, Дмитрий из окна строевой части наблюдал, как по плацу вышагивают матросы, подчиняясь командам офицера. Он впервые попал в расположение боевой части и внутреннее напряжение, порядок угнетающе действовали на него. Вид грозных кораблей на рейде, звук отбиваемых склянок, романтикой окутывало, будоража воспоминания прочитанных книг о море и пиратах. Бравый офицер, нарушил идиллию, громко приказав: «Товарищ матрос, следуйте за мной!» Коридорами прошли к кабинету, постучав в дверь, офицер дождался разрешения и,

посторонившись, пропустил Дмитрия. За столом сидел седой военный в кителе с орденскими планками на груди. Дмитрий замялся и, с трудом вспоминая, доложил:

– Товарищ капитан первого ранга! Матрос Угрюмов по Вашему приказанию прибыл.

– Да, лучше замолчи. – Отмахнулся комбриг. – Уже доложили. Ты у меня как бельмо в глазу. Два года старшим торпедистом в бригаде числишься, между прочим, офицерская должность. За тебя другие Родину защищают, ты понимаешь?

– Никак нет, товарищ капитан первого ранга. – Не выдержав, сдержил Дмитрий.

– Что такое?! – Медленно поднялся из-за стола комбриг.

– За время службы мною для Отчизны добыто пятнадцать золотых, семь серебряных и девять бронзовых медалей на международных соревнованиях разного уровня. – Отчеканил Дмитрий.

– Лучше два пьяницы, чем один Москвич! – С отчаянием заметил начальник. – Ладно, говорун, завтра посмотрим, на что ты годен. А сейчас пойдешь, получишь форму и отдохай.

Дмитрий ладненько развернулся, попытавшись щелкнуть каблуками, но поскользнулся на ковре, и, в желании не упасть, пулей вылетел из кабинета, почти головой открыв дверь. Комбриг искренне засмеялся, крикнув вдогонку: «Аккуратней, вояка! Разобьешься». Дежурный по части отвел Дмитрия к баталеру, и тот, тщательно подбирая амуницию, экипировал матроса посоветовав походить по плацу часик, привыкая к обмундированию. Утром новоиспеченного матросика, в новенькой с иголки форме, доставили в спортивный клуб, расположенный на площади адмирала Нахимова. Сюда же привезли и зарубежных спортсменов. Погрузив всю галдящую на разных языках мира толпу на десантную баржу, отдали швартовые и, выйдя из бухты, встали на рейде, ожидая команды к началу старта. Праздник открыли парадом. Гордо прошел большой противолодочный корабль, уверенно демонстрируя мощь вооружения, для наглядности, при выходе из бухты шарахнув холостыми из всех орудий. Стремительные катера запускали ракеты, подводные лодки пулялись торпедами, жужжали вертолеты, высаживая десант. Маленькая праздничная война, веселила несметное количество зрителей, вызывая восторг и аплодисменты. На трибунах приглашенный генералитет пыжился от гордости, важно надувая щеки и грозно сдвигая брови, при этом смахивая на изрядно ожиревших орлов. Воинственный пыл витал в дыму и грохоте, не находя достойного применения. И когда по окончании демонстрации убийственной мощи диктор объявил, что сейчас будет дан старт заплыва на приз Главнокомандующего войск Варшавского договора с участием сильнейших спортсменов зарубежных стран, распаленная толпа заревела от возбуждения. Эта эмоциональная волна накрыла трибуны с почетными гостями. Представители вооруженных сил различных стран, принялись делать ставки на победителя соревнований, а разогретые спиртным вообще забыли о рамках приличия. Главнокомандующий Черноморским Флотом не на шутку сцепился с адмиралом флота ГДР, поставив на спор свой кортик против фуражки. Адьютант срочно связался с баржой и наш представитель, с выпученными от страха глазами, расталкивая участников, пробрался к Дмитрию и, обхватив за плечи, возбужденно зашептал: «Сынок! Выиграй, хоть кровь из носа! У тебя в руках честь флота! Там на берегу, наш командир голову за тебя против немца поставил!» И не находя больше слов, в сердцах выпалил: «Проиграешь, лучше утони!» Дмитрий опешил от такого напутствия. Но, посмотрев на трясущегося представителя, понял, что он не шутит. Объявили пятиминутную готовность, ветер усилился, нагоняя волну и уже не просто рябь, а приличные барашки разгоняли волны, с силой ударяя в борт корабля. Дмитрий оглядел участников и, заметив, как представитель немецкой команды, возбужденно общается со своим спортсменом, с огорчением отметил, заплыв дружбы, где все финишируют стадом, превратился в битву. Десантная баржа открыла борт, взлетела сигнальная ракета, и все, гурьбой, прыгнули в воду. Дмитрий, наученный опытом подобных соревнований, сразу попытался выбраться из толпы, пристроившись за шлюпкой сопровождения. Плыть было трудно, начинающийся шторм, набегающими волнами накрывал пловцов с головой. Буквально с пер-

вых метров выделилась лидирующая группа из пяти человек. Немец, скорее всего заранее договорившись с польским пловцом, попытался оторваться, разорвав группу по ходу дистанции. Дмитрий понял, что если маневр им удастся, догнать будет не возможно. Борьба с волнами, и корректировать направление одному, не реально. Мощными гребками приблизился к беглецам и, пристроившись рядом, поплыл, с трудом удерживая темп. В такой позиционной борьбе они миновали километр, далеко позади, оставив остальных участников. Плыть становилось труднее, волны, бьющие в лицо, сбивали дыхание, гребнем выбрасывая наверх, и накрывая следующей волной. Дмитрий особенно страдал от болтанки, будучи намного легче своих соперников. Это изматывало, отнимая все больше и больше сил. Он прекрасно понимал, что если что-то не предпринять, на финише, более мощные соперники, прибавив, сделают его с легкостью. Злясь от возможности проигрыша, с отчаяния, решился почти на авантюру. Подумав про себя, что вместо того, чтобы плыть, периодически поднимая голову выискивая ориентир направления, следует догнать шлюпку сопровождения и, встав в кильватер из последних сил держаться за ней, надеясь, что гребцы, стараясь оторваться от преследователя, приведут его к финишу. Дмитрий рванул, включившись на полную мощь. Свернув, поплыл к шлюпке, идущей параллельно группе. Хитрость явно удалась, шлюпка пытаясь оторваться, прибавила ходу, следуя по направлению к берегу. Дмитрий, сжав зубы, из последних сил держался за ней. Метров двести продолжалась безумная гонка. Основные соперники, прозевав рывок, отстали, потеряв из виду уплывшего далеко вперед Дмитрия. Теперь оставалось главное – держать темп, не давая преследователям догнать беглеца. Дмитрий, превозмогая усталость, рвался к победе, представляя себе, что вот также плыли восставшие матросы с потопленного корабля, еще не зная, что их будут расстреливать прямо в воде у самого берега. Яростными гребками разрывая воду, твердил себе, что если первым доплывет к памятнику погибшим морякам, то сохранит честь погибших, повторив их подвиг. Находясь в иступлении, даже не слышал рева трибун, финишируя в одиночестве. Выползая на песок Дмитрий даже не смог встать, Он лежал, тяжело дыша, полностью обессиленный. Его подхватили на руки и принялись качать в порыве радости, а он, зажавшись, боялся, что его вырвет. Понадобился час, чтобы участники соревнования пришли в себя, настолько трудной была дистанция. Все это время зрители не расходились, играл оркестр, город веселился на полную. Награждали на площади Нахимова, что явилось кульминацией праздника. Стоял рев, Дмитрий даже не слышал, что ему говорил возторженный командующий, с чувством пожимая руку. Только когда заиграли гимн, и Дмитрий в форме русского моряка застыл на высшей ступени пьедестала, толпа смолкла в величии момента. После всех церемоний, победителя отвезли в офицерский клуб, где по случаю торжеств были накрыты столы. Его передавали из рук в руки, тиская, словно праздничную игрушку на елке. В окружении звездных офицеров Дмитрию было довольно не уютно, а когда он оказался за столом по правую руку от командующего, то совсем поник. Зато хозяин стола не мог нарадоваться, с гордостью поглядывая на матроса, защитившего честь русского флота. Он явно не понимал, что Дмитрий, в виду сложившихся обстоятельств, впервые надел военную форму и не служит на корабле, разделяя тяготы морской службы. Поэтому, по-флотски, решил поощрить победителя. Повернувшись к начальнику штаба, приказал: «Досрочный отпуск на родину!». А затем, переполненный эмоциями, стукнув кулаком по столу, добавил: «А сначала пусть месяц в санатории для высшего командного состава отдохнет от невзгод», и, обращаясь ко всему столу, поднимая бокал, торжественно объявил: «Товарищи офицеры! За доблесть и честь победителя! Вот так служить надо Родине! Ура!!» Все тоекратно поддержали клич, выпив стоя за смущенного Дмитрия. После окончания торжеств Дмитрия отвезли в часть и он, засыпая, с облегчением подумал, что завтра отбудет в Москву, в привычную обстановку. Утром ему приказали явиться к комбригу, и он с радостью направился в штаб, ожидая получить документы. Командир встретил на пороге кабинета и, улыбаясь, пожал руку.

– Герой! Во всех флотских газета на первой странице. Не ожидал! И мне от тебя перепало, командующий настоял готовить рапорт на присвоение внеочередного звания. – Садясь за стол, с легким раздражением произнес: – Столько лет, напрягаясь Родину защищал, не поощряли, а тут, на тебе! Матрос мне адмиральскую звездочку привез – пораженный случайной рифмой, опять весело засмеялся. – Ладно, приступим к делу. Приказано доставить тебя в санаторий. Пойдем на КПП, там ждет машина. Поедешь в Балаклаву, а там катером на Фиолент. Между прочим, я за свою службу ни разу там не был. Говорят место изысканное. Все, иди, и еще раз спасибо за нечаянную радость.

Дмитрий опешил от подобного развития событий. Переминаясь с ноги на ногу стоял у двери, не находя слов для возражений.

– Ну что еще? – Посуровел комбриг.

– Товарищ командир, мне в Москву надо, тренироваться. – Испуганно заметил Дмитрий.

– Отдохнешь месяц, и поедешь в свою столицу. На тебя уже документы выписаны. Все, исполняй!

Дмитрий обречено покинул кабинет, понимая, что возражать бесполезно. В строевой части его ожидал мичман, получивший приказ доставить матроса в Балаклаву. На машине около часа, добирались к месту назначения. Открывшийся вид базы подводных лодок, своими масштабами потряс Дмитрия. Эта удивительная бухта, скрытая среди скал, провидением была предназначена для военного использования. Мичман объяснил Дмитрию, что дальше придется идти катером, другой дороги в Фиолент, где расположен санаторий, попросту не существует. На пристани нашли нужную посудину и мичман, переговорив с капитаном, сдал Дмитрия на корабль. В ожидании отхода расположился на корме, и, забыв обо всем на свете, во все глаза рассматривал боевые корабли. Даже когда катер, минуя бонные заграждения, выходил из бухты, Дмитрий все еще находился под впечатлением увиденного. Катер шел вдоль берега малым ходом, слегка покачиваясь на небольшой волне. Легкий ветерок, крик чаек и громады скал на берегу с причудливыми деревьями, растущими в расщелинах, наполняли Дмитрия восторженной эйфорией. Он даже попытался запеть, а когда меж скал открылась бухта с россыпью золотого песка, радость, блаженством, взорвалась внутри, заставив закричать от восторга. Он не заметил сколько шли, но когда катер стал причаливать к одной из волшебных бухт, не дожидаясь трал, прыгнул с борта в песок, еле сдерживаясь, чтобы не броситься в ласковое море. Вместо этого Дмитрий залез на камень и огляделся вокруг. Сосны и можжевельник, вереск и магнолии, буйно росли на берегу, создавая причудливый лес, с песчаными полянками и небольшими ручьями, стремящимися к морю. Среди нетронутой девственной природы располагалось несколько десятков аккуратных деревянных домиков, соединенных между собой тропинками, мощенные галькой. Ближе к воде стояли огромные армейские палатки, и как раз от одной из них, к катеру приближался мичман, в сопровождении пяти матросов. Дмитрий поспешил на встречу и попытался по-военному представиться местному начальству. Мичман не дал рта раскрыть, с лету приказав: «Потом поговорим. А сейчас помоги катер разгрузить». И Дмитрий, вместе со всеми, впрягся в работу, таская мешки и бесчисленные коробки. По ходу дела присмотрелся к своим товарищам, и отметил про себя одну странность: все матросы были представителями среднеазиатских республик и ужасно боялись мичмана. Вскоре закончили разгрузку и, мичман отпустил матросов коротко приказав: «Свободны!». И те, словно муравьи, быстро побежали к палатке. Мичман подошел к Дмитрию и, почесав затылок, оглядел гостя, явно конфузясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.